

ФРИДРИХ НЕЗНАНСКИЙ

ИЗ
ДНЕВНИКА
ТУРЕЦКОГО

СЛЕПАЯ
ЛЮБОВЬ

Из дневника Турецкого

Фридрих Незнанский
Слепая любовь

«Автор»

2008

Незнанский Ф. Е.

Слепая любовь / Ф. Е. Незнанский — «Автор», 2008 — (Из дневника Турецкого)

Интернет... Это величайшее изобретение человечества установило простейшие коммуникационные связи между отдельными людьми, но оно может приносить не только добро и прогресс. В руках преступников Интернет способен стать мощным орудием уничтожения личности, подавляющим в человеке самое светлое чувство – любовь... Александр Турецкий возглавляет после ранения охранно-розыскное агентство «Глория». Выполняя просьбу заместителя генерального прокурора Меркулова, своего старого друга, известного юриста, он пытается разобраться, что происходит в семье последнего. И вместе со своими коллегами он впервые сталкивается с новыми видами преступлений, о которых многие еще до сих пор не догадываются.

Содержание

Пролог	5
Глава первая	9
Глава вторая	23
Глава третья	29
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

СЛЕПАЯ ЛЮБОВЬ

Пролог

Звонок другу

- ...Славка, так ты мне друг или как?
- Саня, что-то я давно не слышал от тебя таких глупых вопросов... Откуда сомнения?..
- Э-э-э! Постой, а ты часом не... Нет? Точно?.. Звонишь-то сейчас откуда?
- Да из дома, успокойся.
- А-а-а... Я уж подумал... Ну ладно, какие проблемы?
- Если я к тебе приеду, примешь?
- Ага, значит, все-таки я прав... Неладно, как говорит твой друг Отелло, в Датском королевстве?
- Турецкий раскатисто захохотал:
- Вот за что тебя обожаю, Славка, так это за твое великое умение вовремя поддержать друга простой житейской мудростью. Так примешь?
- А ты там себе уже налил? В гордом одиночестве, что ль?
- Ирка с Нинкой в театре. А я отказался, тошно чего-то.
- Понятно, Саня... Ну, давай, коли так. Только, ты уж извини, у меня по части выпивки однообразно: спиртыга на кедровых орешках. Есть кое-что и на полезных корешках. Но коньяков больше не потребляем. Будь!
- Турецкий услышал легкий стук в трубке – это, следовало понимать, Грязнов «чокнулся» с ним своим стаканом. И Александр Борисович ответил тем же. Выпил четверть стакана коньяку, сунул в рот дольку лимона, поморщился: сахарного песка в доме не оказалось, а идти за ним в магазин желания не было. В доме – две женщины, а сахара нет. Вот пусть сами и ходят. Славка – было слышно – чем-то вроде как хлюпнул.
- Чем закусываешь? – ревниво спросил у Грязнова.
- Да икорки тут подкинули... полведерка... Велел лососевой, а они, черти, кетовую... Вот заразы, думают, если тут сижу, так уж совсем...
- Так нет же разницы!
- Саня, это ты у себя, в Москве, так думаешь. А у нас даже медведи разбираются, чтоб ты знал.
- О-о-о, Грязнов, да ты, гляжу, совсем забурел! Пора мне тебя обратно, в цивилизацию, возвращать... Так не прогонишь?
- Если ты серьезно, так я дам команду встретить и доставить в самом лучшем виде. А действительно, чего б тебе, а? И Ирине с Нинкой дашь отпуск. Бабам он бывает иногда просто необходим, чтоб совсем без мужиков, да-да, Саня, ты слушай старого человека.
- Скажешь тоже – бабы! Это Нинка-то?
- А что? Сколько ей, шестнадцать?
- Около того.
- Ну, а я про что? Сидишь, поди, и от каждого стука в дверь вздрагиваешь: а вдруг жених? У них это сейчас быстро, Сань. Главное, чтоб слепыми не рождались, как те котята. – Грязнов довольно рассмеялся.
- Типун тебе!
- Короче, Саня, как решишь, давай телеграмму.

– Так проще ж позвонить...

– Не-е, дружок, пусть официальный документ от тебя поступит, а звонок – это очередной обман. Иринка придет домой, по шерстке тебя разок погладит, ты и растаешь, и все твои обещания останутся пустыми словами. А мне ж к торжественной встрече готовиться надо, кадры поднимать, обеспечивать пребывание, сам понимаешь, забота. Так что без документа – ни-ни!

– Ты чего, какие кадры?

– А как же? Ты ж наверняка и рыбки захочешь, и птички, и от свежего окорочка не откажешься, верно соображаю?

– Охальник ты, Грязнов! И прожженный авантюрист! Куда друга-то своего лучшего затягиваешь?

Вячеслав Иванович снова расхохотался:

– Я – про кабанчика, а ты про кого, Саня? – И, поскольку Турецкий промолчал, добавил: – Да, вижу, совсем ты поплохел, друг мой, пора тебя всерьез лечить. Бери ноги в руки и вали сюда, тайга тебя враз подымет...

– Да поднимать-то мне ничего не надо, – Турецкий хмыкнул. – Общее ощущение хреновое.

– Ну, а я про что? Тем более... Как там наш Костя? Что-то он давно не звонит...

При одном упоминании имени Меркулова, «кривая» настроения у Александра Борисовича поползла вниз. И он сухо ответил:

– Не знаю.

– У-у-у... – протянул Грязнов. – Не знал, что у вас, ребятки, настолько все запущено!.. Вот уж не думал, не гадал, что мое присутствие потребуется так скоро... Что ж это вы?

– Не знаю, Славка... Что случилось, то случилось. Надоело анализировать. Надоело слушать. Устал отвечать. Осточертело...

– Знаешь, Сань, чего б мне сейчас хотелось больше всего? – И, не дождавшись от друга ответа, Вячеслав Иванович сам сказал: – Твое бы пиво да мою рыбку – и в Сокольники... Там, на кругу, ха-арошие точки у нас с тобой были... «Сирень», а?

– За чем же дело?

– Не могу, зверушки обидятся... Я для них тут – и начальник, и спаситель, и Господь Бог. Не даю обижать.

– А люди обижаются?

– Не без этого, Саня, но... альтернативы нету... А чего это – по ящику показывали – у вас там парнишечка симпатичный такой, да из окошка сиганул? Песенки пел хорошие. Дурная компания?

– А-а-а, ты про этого... Да, представь себе. Пересекся вчера нечаянно с Талдыкиным из Северной окружной, помнишь его наверняка. У них это дело. Говорит, баловался.

– Жаль парня... А ты с Костей-то, Саня, все же помирись, не надо ссориться, хлопцы.

– Да то-то и оно, что даже путем и не ссорились.

– Тогда еще хуже... Ох, и что мне с вами делать?... Ладно, буду думать. Ну, кончаем болтать, деньги идут.

– Чудила, не твои – мои!

– Мне все равно, я теперь ужасно экономный. Привет твоим... женщинам!

– И ты – от меня, зверушкам.

– Им – с удовольствием! Да, Сань, и просьба к тебе. Вы завтра, я надеюсь, не забудете помянуть, так вот, и от меня Дениске цветочек... – Турецкий услышал такой непривычный для Грязнова всхлип.

– Славка, старина, как ты мог подумать?

– Извини... Давай. Жду телеграмму...

Странные были эти похороны... Хотя, по нынешним временам, уже давно нигде ничего странного нет. Ни в целом мире, ни у нас, грешных, на родимой своей земле. Если вдуматься. Вот Александр Борисович Турецкий и поймал себя на этом противоречии, полагая, что...

Исполнилась годовщина того проклятого дня, когда сюда, на Троекуровское кладбище, в отсутствие Турецкого, поскольку он находился в госпитале, в глубокой коме, и вопрос с ним вообще был абсолютно неясен, принесли закрытый гроб с разорванным телом Дениса Грязнова. А вполне могли бы тут стоять и два гроба, просто Денис принял весь удар взрыва террористки на себя. Не защитил «дядь Саню», но от смерти спас. Такой вот парадокс. И с той минуты все в жизни Турецкого и Грязнова пошло наперекосяк. Славка бросил свою «генеральскую» службу в Министерстве внутренних дел и уехал в тайгу. Саню по выздоровлению уволили из Генеральной прокуратуры. Пришлось уйти в агентство «Глория», а теперь и это дело обрыдло. Хотя ребята понимают Турецкого и стараются не показывать вида, что обижаются. Но ведь надо быть бревном, чтобы не видеть.

После обеда все вместе поехали на кладбище, к колумбария со стоявшей в нише урной. Постояли, положили цветочки, сделали по глотку и отправились к машинам. Даже Ирина поняла состояние Турецкого и пошла вместе с остальными, оставив его в одиночестве. Не могла ж не понять, что ему было о чем сказать Дениске и посторонние просто помешали бы. Своим сочувствием, черт побери!.. Странно, что о своей жене он, может впервые, подумал как о посторонней. Даже не по себе от этого понимания стало. Несмотря ни на что...

И вот теперь, возвращаясь к автомобильной стоянке, он увидел большую толпу народа. И в присутствующих узнал давно и прочно знакомые лица. По телевизионному экрану, естественно. Все так называемые «звезды» съехались к свежей могиле. Даже на праздничном кремлевском концерте такого яркого «сияния», пожалуй, не встретишь.

Объяснять не было нужды: хоронили того самого юного певца, о котором вчера спросил Славка. Талантливый мальчишка, наверняка ожидало «светлое» будущее, но... не дождалось. Наркотики проклятые... Но почему? В чем дело?

Тот Игорь Талдыкин как-то странно усмехнулся, когда Александр Борисович задал ему этот простенький вопросец. В том смысле, понял его Турецкий, что, мол, ты – опытный человек, профессионал, полтинник разменял, а все ничего не смыслишь в реальной жизни. В конкретной. И принялся объяснять, как сам видел, причину.

Они, получалось, эти молодые, «пашут» на износ, «бабульки» гребут лопатами, потребности сумасшедшие, возможности практически неограниченные, жизненного опыта никакого, – вот и требуется постоянный допинг. Отсюда – результат. Иной, может, и рад бы, да уже не в силах. Закалки нет той, что имеется у «стариков», то есть у «зубров» этого шоу-бизнеса. Как говорится, на худой конец, можно принять и такое объяснение, хотя, по большому счету, удовлетворить оно было способно разве что молодежь из вон той же «тусовки», которая окружала роскошный, под стать имиджу «проводяющих», гроб из каких-то немыслимых пород заграничных деревьев. Ну а как же иначе?

Не к месту, конечно, но вспомнился старый одесский анекдот. Там бедный Цыперович хоронил свою Риву, стоял у могилки и вдруг услышал гром оркестра. Обернулся: шестерка лошадей тащит шикарный катафалк с роскошным гробом, толпа народу, и все в черном! И возы цветов! И уже огромный склеп приготовлен! И сказал тихо бедный Цыперович: «Ах, Ривочка, если б ты только видела, – живут же люди!»

Да, живут... Вопрос «зачем» отпал сам по себе...

Все уже уехали в «Глорию», чтобы помянуть за общим столом своего бывшего директора, а Ирина осталась, ждала мужа. Она стояла возле своего ярко-зеленого жука – «дэу» и, не выказывая нетерпения, смотрела в сторону ворот. Турецкий подошел и остановился, положив руки на горячую крышу машины.

– Поедем? – спросила жена, словно были варианты.

– Я вчера со Славкой разговаривал...

– Он в порядке? – спокойно спросила Ирина, не глядя на мужа.

– Да. Тебе привет. – Ирина кивнула, и он продолжил: – Просил... – Турецкий мотнул головой в сторону кладбища.

– Я понимаю, – снова кивнула Ирина. – Сева сказал, что они будут в «Глории» допоздна, и мы можем подъехать в любое время.

– Странные какие-то похороны, – Турецкий повернул голову в сторону кладбищенских ворот. – Заметила?

– Ты знаешь, я тоже обратила внимание. Прямо великосветская тусовка! Кто-то выступает, эти разговаривают, интересные все-таки люди. Они горевать-то хоть могут? Умеют?

– Шоу-бизнес, Ирка... и этим все сказано... Да, а Славка вчера говорил, что мечтает приехать и махнуть в Сокольники. Пивка глотнуть. С соленой рыбкой... Простое человеческое желание... – Он усмехнулся.

– А что, жену угостить не хочешь? – неожиданно спросила Ирина и с вызовом посмотрела на мужа.

Турецкий улыбнулся, чувствуя, как у него теплеет в груди, – понемножку так, но приятно.

– С удовольствием... да только ты – за рулем.

– А давай домой заскочим, я машину поставлю и возьмем такси? – с вызовом предложила жена.

– А давай! – улыбнулся он.

И, сядя в машину, подумал, что чертов Славка тысячу раз был прав, заметив насчет шерстки, по которой стоит только жене погладить, как... Одним словом, конечно, прав старый друг. Еще как прав! Ах, если бы Ирка понимала, как часто бывает ему нужна именно эта ее легкая рука и чтоб по шерстке, но вдоль, а не против!.. «А ребятки, в конце концов, не обидятся, мы ж бутылец все-таки раздавили, помянули... – запоздало оправдался перед собой Турецкий. – И потом, можно ведь и попозже к ним заскочить... пивка привезти. С рыбкой... Поймут... Опять же и Нинка на даче у какой-то подружки, а когда вернется, сегодня или завтра, известно ей одной... ох, эта молодежь!...»

Глава первая

Большие сомнения

1

Константин Дмитриевич Меркулов назначил встречу своему старому приятелю, когда-то сокурснику, а ныне проректору Юридической академии Семену Викторовичу Осипову в своем кабинете, в главном здании Генеральной прокуратуры на Большой Дмитровке. Просьба у Сени, как называл его по старой памяти Костя, была необычной. Надо полагать, личной, как сумел понять Меркулов из не очень внятных объяснений человека, не только облеченного высокой ответственностью перед государством, но известного также своими недюжинными ораторскими способностями. Казалось бы, формулировать коротко и предельно понятно свои мысли – это была его прямая обязанность, даже главная работа, но Сеня что-то невнятно мычал, мекал, хекал, будто и не пытался выразить ясными словами, что ему надо от первого зама генерального прокурора.

И Костя не придумал ничего лучше, как пригласить профессора, доктора наук, членкора Академии и прочая, и прочая к себе на службу. Усмехнулся про себя: в этом кабинете и не такие соловьи «раскалывались»!

Об этом он и заявил сразу Семену Викторовичу, едва тот вошел в кабинет, ибо Меркулов надеялся, что такое начало разговора поможет посетителю вернуться в атмосферу веселого студенчества, когда им было все легко и просто. Но Осипов, несколько растерянно щурясь сквозь модные, квадратные очки, лишь кивнул в ответ, даже и не улыбнувшись, а с лица его не исчезла откровенная тревога. И уже по одному этому Меркулов понял, что тревоге профессора не один день и, возможно, в таком состоянии он пребывает уже давно. Но что же могло так угнетать этого вполне благополучного человека? Косте показалось, что он наконец нашел то единственное слово, которое и определяло состояние Семена. Именно угнетение...

Сели, Клавдия Сергеевна внесла поднос со стаканами свежесваренного черного чая и тарелочками с лимоном, конфетами, маленькими пирожными. Рассматривая серебряные, с чернью и позолотой, подстаканники, Осипов хмыкнул и покачал со значением головой:

– Кажется, вчера, а какая, на самом деле, старина, а, Костя? И как они у тебя сохранились? Подумать только...

– Да вот, берегу... – Меркулов хмыкнул. – Как память... А что еще осталось?.. Но ты давай, не уводи в сторону. Что случилось? Почему ты сам не в себе? Кто обидел академика?

– О господи! Если бы!.. – Семен воздел руки почти в отчаянье. – Не обо мне речь, дорогой Константин...

Меркулов, естественно, знал о трагедии Осипова, схоронившего враз сына с невесткой, погибших в автокатастрофе, давно уже, несколько лет назад, и остался Сеня с женой да с внучкой, Юлечкой, кажется. Значит, с кем-то из них беда? Костя продолжал вопросительно смотреть на гостя, и тот наконец словно решился, и это решение вроде бы далось ему с трудом.

– Понимаешь, Костя, – начал он, – я все никак не мог решиться, но одно событие недавно... подтолкнуло, что ли... И я испугался, даю тебе честное слово! Вот и...

– Да ты, если можно, без преамбулы. Что произошло и что тебя подвигло?

– Ты слышал, наверное. Об этом который день уже с утра до вечера телевидение талдычит, газету какую ни откроешь... Певец этот, мальчишечка...

– Тот, что из окна выпал?

– Если бы выпал, Костя! Там, видно, такое было!..

– А что могло быть? К сожалению, насколько это мне известно, обычное сегодня дело. Точнее, беда наша. Я смотрел материалы следствия, если это тебя интересует... Стресс, наркотики как спасение... В другом вопрос: почему эти молодые и талантливые так быстро разочаровываются? Впрочем, о чем я спрашиваю? Это ж они сами придумали и поют: «Нет, нет, нет, мы хотим сегодня!» – или как там? «Да, да, да, мы хотим сейчас!» Мы с тобой, если помнишь, так не пели. И не думали. Может, поэтому? Но ты-то какое отношение к этому имеешь? Я имею в виду, к пареньку? Родственник, что ли?

– Нет, – поморщившись, отмахнулся Осипов. – Ко мне он никакого... Юлька с ума сходит...

– Поклонница? Или любовь, нет?

– Тут другое, Костя... Я больше всего боюсь, чтобы Юлька с этой ее реакцией, прямо скажу, неожиданной для меня, – чуть ли не истерика случилась, понимаешь? – сама не оказалась в какой-нибудь подобной истории. Компания странная, бывают моменты, она прямо сама не своя... И ничего не говорит, не делится. Ну, со мной ладно, я – мужик, но она и с Таней не хочет ничего обсуждать. А когда только лишь заходит речь, – что, мол, происходит, девочка? – чуть не в слезы: «Не лезьте в мою жизнь!» И все свободное время проводит с компьютером, купили на свою голову! Нет, я понимаю, новый век, новые технологии, Интернет опять же, но ведь это же какая-то зараза! И что она в нем путного находит?

Меркулов улыбнулся по поводу горячности профессора:

– Ну ты, дорогой мой, смотри на вещи просто. Сам же только что говорил, что нынешняя молодежь хочет жить своей, не совсем понятной нам жизнью. Устраивать по этому поводу слежку – дело, я думаю, неблагодарное. Значит, что? Надо находить общий язык. Не тебя же учить, юриста! Только, мне представляется, это не ты, а больше Татьяна твоя панику разводит. Так объясни доходчиво. И от компьютеров нам с тобой никуда не деться, теперь он – первое средство общения у молодежи, чего ж ты хочешь? А если в связи с этим возникают вопросы, тогда... – Меркулов многозначительно покачал головой из стороны в сторону. – Тогда, Сеня, могу тебе посоветовать обратиться к специалисту, чтобы тот, извини за прямоту, залез в ее компьютер и посмотрел, о чем там и с кем конкретно идет переписка. Если таковая имеется. Нехорошо, знаю, но... А что ты еще от меня хочешь? Ей сколько лет?

– Двадцать третий, в том-то и дело. Маленькие дети – маленькие заботы, а большие... – Осипов тяжело вздохнул. – Я уж думал об этом, Костя. И тоже не сторонник подглядывать и подслушивать, но... Надо же хоть в какие-то рамки... Но ты не подумай, что я со своими заботами явился в Генеральную прокуратуру! Это я к тебе как к старому другу, за советом. Ты уж извини, никого из близких товарищей, посчитай, уже и не осталось...

– Я ценю твое доверие, Сеня, можешь быть уверен. Но, полагаю, что ты зря бьешь в колокола. А насчет компании? У нее-то не спрашивал?

– Это я Тане поручил, она... – Профессор опять с огорчением махнул рукой. – Чуть все не испортила! Говорит ей: «А почему ты своих друзей к нам в гости не пригласишь?»

– Ну и что тут неправильного?

– Я тоже сначала так думал, а у них скандал из-за этого. Крики. «Чего они тут не видели? У них другие интересы!» И так далее. Вплоть до истерики, будто мы, старики, ее свободы лишаем!

– А чем она у тебя вообще-то занимается?

– Рекламой, Костя! – почти с отчаяньем выкрикнул Осипов. – Всем этим, прости, Господи... – Осипов резко кивнул в сторону темного экрана телевизора, стоящего в углу кабинета. – Глаза б не смотрели!

– Э-э-э, брат, так у вас профессиональные конфликты? И ты еще их в гости зовешь? Нет, профессор, чего-то ты того, извини. – Меркулов засмеялся, чтобы снизить градус накаляю-

щейся атмосферы. – Сам стань на ее сторону. Как она должна воспринимать такую критику?.. Она художник, что ли?

– Закончила полиграфический институт, по оформительскому факультету, сама рисует, что-то сочиняет. Работает в рекламной компании, говорит, что нравится.

– Ну так что ж ты хочешь, дорогой? Художники – они своеобразный народ, с ними бы помягче. А ты небось со своим академическим пылом, да?

Осипов только вздохнул.

– В общем, Сеня, если я тебя правильно понял, ты ждешь не только совета, но и конкретной помощи, так? – И после кивка профессора продолжил: – И я, кажется, знаю, кто тебе сумеет помочь. Если захочет. Точнее, если ты сам его об этом попросишь. Ты, а не я.

– И кто же? – Осипов с надеждой посмотрел на Костю.

– Сашка Турецкий. Помнишь, поди, такого?

– А как же?! А почему?..

– Что – почему? Почему ты, а не я? – Меркулов хмыкнул. – Да потому, что если его попрошу я, он меня, да и тебя вместе со мной, пошлет... подальше. А если ты сам, ему будет тебе неудобно отказать. И как это сделать, я тебя, пожалуй, научу. Если ты хочешь.

– Костя! Мне неудобно... Но ты видишь, в каком мы с Таней положении? Юленька ведь нам как дочка! Дороже дочки! Единственный человек, который... которая... Извини... – Осипов нащарил в кармане платок и стал вытирать им покрасневшие глаза. – Неловко, Костя, прости...

– Да будет тебе, – Меркулов нахмурился и отвел взгляд в сторону. – Еще чайку?

– Спасибо... да... если можно... – Осипов затряс головой, не поднимая глаз.

– Клавдия Сергеевна, – сказал Меркулов, нажав клавишу микрофона интеркома, – сделайте, пожалуйста, еще по стаканчику... А ты, Сеня, послушай меня внимательно... Дело в том, что я сам был вынужден по настоянию врачей уволить Саню из прокуратуры, понимаешь? И должен представлять, какой это был удар для него. Во-первых, он посчитал, что я не пожелал его отстоять. И в этом, к сожалению, оказался отчасти прав. Потому что я даже и не представлял, во что может вылиться Санина «свобода». При его-то упрямстве! А во-вторых, дело, которое мы все предложили ему, не устраивает, видите ли, их благородие! Частный сыск для профи – это семечки! Скучно ему!.. Ну и всякие привходящие там еще оказались... обстоятельства. И при всем том, ты же знаешь, Саня блестящий аналитик! Сыщик от Бога! Чего ему еще? Какая, к чертовой бабушке, извини, свобода?!

– Но почему ты считаешь, что именно он?..

– Сейчас, – Меркулов остановил его жестом. – Спасибо, Клавдия Сергеевна. Если там уже явился господин из Думы, мы закончим минут через десять. – И, хмыкнув, когда секретарша сурово взглянула на собеседников и выплыла из кабинета, продолжил, доверительно наклонившись к Осипову: – Неравнодушна к Сане. Считает, что я был не прав. Да они все тут так считают, женщины наши... А теперь пей чай и слушай, что я скажу. Научу тебя, как подъехать к нему, понял?

– Подожди, Костя. Но почему ты думаешь, что частное агентство способно помочь нам? Я не верю этим деятелям. Еще охрана – куда ни шло, а расследование?.. Нет, я понимаю, бывшие профессионалы, но, честное слово... Чего от них можно требовать?

– У тебя, мой друг, устаревшие понятия. И потом я ж тебя не куда-то посылаю, а к совершенно конкретному человеку, которого ты прекрасно знаешь. Ты ж в московской прокуратуре уже работал, когда Саня стажером ко мне пришел? И вот с тех пор... Сколько уже? Двадцать четыре года, без малого – четверть века, Сеня! Вместе. И кабы не террористка... Эх, да что говорить! Он все эти годы только приобретал, ничего не теряя! Да человек с таким опытом! И еще – это, пожалуй, самое главное! – Саниной дочке, которая у него учится в Кембриджском колледже, между прочим, шестнадцатый год. Или семнадцатый?.. Господи! – Меркулов

наморщил лоб. – Как же они быстро растут! Ты видишь, у него абсолютно те же проблемы, что и у тебя! Как же не поможет?! То есть обязательно поможет – что я, Саню плохо знаю? Но только одно условие. На всякий случай. Подойти к нему надо так, чтобы это исходило лично от тебя – пусть по старой памяти. И ни в коем случае не от меня. Может рогами упереться, с ним это теперь часто случается.

– А как же я это сделаю?

– Вот сейчас чай с тобой допьем и все решим. – Меркулов улыбнулся. Отпил глоток свежего чая и взял свой мобильник. Нажал вызов в меню. – Всеволод? Добрый день. Ну, как вы?.. Да, да, я знаю, я вчера был... да, да... А наш где?.. Как?! Неужто?! – Меркулов засиял. – Вот не ожидал! Ты посмотри, что погода делает... Может быть, в конце дня, ребятки... да, если вы задержитесь. Я позвоню, привет остальным.

Костя отключил мобильник, отложил его в сторону, задумчиво посмотрел на Осипова, покивал, что-то придумывая, и, наконец, решился:

– Значит, давай действовать так. У тебя сейчас есть лишнее время?

– Ну... есть, не так, чтобы...

– А к пиву как относишься?

– К пиву?! – У Осипова даже челюсть отвисла.

– Ну да, к нормальному пиву? Которое пьют из кружек, стаканов, бокалов, прямо из бутылок – в зависимости от ситуации, надо понимать.

– Да никак! Ну, пью иногда. В компании. Только ведь и компаний уже... сам понимаешь. А что?

– Объясняю. Случилось неожиданное и приятное событие. Саня наконец решил помириться с женой Ириной. Может, ты ее знаешь, но, скорей всего, не видел. Симпатичная женщина. Музыкант, преподавала в Гнесинском, а с год назад, когда с Саней беда случилась, оставила музыку и переквалифицировалась по теме криминальной психологии. Чтобы быть ближе к Сане. Ну, понимаешь, она – нувориш, а он – высокий профи, отсюда всяческие трения и прочее. Скандалы. При его-то, да и ее характерах. А сейчас они всем агентством были на кладбище, годовщина их погибшего директора, племянника нашего Вячеслава Грязнова, которого ты конечно же тоже должен отлично знать. Я вчера заезжал на Троекуровское, помянул, цветочек положил и попозже в «Глорию» их заеду.

– погоди, Костя, так ты про «Глорию»?! – удивился Осипов.

– Ну, конечно! А что-то не так?

– Да все так! Просто я как-то не сопоставил... И Саша Турецкий тоже в этой «Глории»? – Разумеется.

– Разумеется.

– Так это меняет дело в корне! Я, говоря об этих

ЧОПах, вовсе не ее имел в виду. А о «Глории», извини, – Осипов раскинул руки, – кто ж не знает?! Она у нас и в лекционном курсе фигурирует. Но, говорят, к ним и соваться бессмысленно, дел на пять лет вперед...

– Кто тебя проинформировал? Лето – обычный мертвый сезон! Как повсюду... Ну, раз ты знаешь, тем более есть смысл. Короче. После кладбища все поехали в агентство, это напротив «Сандунов», я скажу точный адрес. А Саня вместе с Ириной остались еще там. Как раз же похороны того мальчика... А позже Сева Голованов, он сейчас, после гибели Дениса, директора, исполняет обязанности директора, позвонил Ирине, чтобы узнать, когда они собираются подъехать. И та ответила, что, наверное, совсем поздно, потому что они решили вдвоем отправиться в парк «Сокольники». Зачем, ты думаешь? Пивка попить! Вот, елки-палки! Помирились наконец, значит! Слава тебе, Господи! – Меркулов даже, суеверно сплюнув через левое плечо, перекрестился. – И теперь у тебя появился прекрасный шанс. Поезжай в Сокольники, там есть три точки, я их назову, где ты сможешь легко обнаружить Саню. Сделай вид, что

встреча чисто случайная. Заодно с его супругой познакомишься, обаятельная женщина, хотя... ну ладно, не буду. Ну и... Вот так, Сеня, дорогой! Готов?

– Да я к черту на рога готов, только бы...

– А оно примерно так и получится! – засмеялся Меркулов и придвинул к себе лист бумаги, чтобы нарисовать члену-корреспонденту Академии план расположения пивных точек в парке «Сокольники».

2

– Ирка, а ведь ты здесь, со мной, никогда не была...

– Зато тобой здесь, надо понимать, давно все тропинки истоптаны, – лукаво сверкнув глазами, ответила Ирина.

Турецкий прислушался: не сарказм ли прозвучал в упреке? Нет, хотя и показалось. Это бесконечное «кажется» ему так уже осточертело, что и рад бы не прислушиваться к интонациям, да привычка какая-то противная уже выработалась. Пора отказываться, пора...

– Да... истоптано... А ты знаешь, первое мое уголовное дело расследовалось именно тут. Вместе с Костей... Потом... а! – Турецкий отмахнулся от собственных воспоминаний. – А еще, если помнишь, когда Славка вас с Нинкой отправил в Абхазию?..

– А... – засмеялась Ирина, – это когда ты разочаровался во всех своих друзьях-товарищах? Помню, Шуринька! Ну, артист! Ты скажи мне честно, вот сейчас, дело прошлое... Ты что, в самом деле тогда хотел взаправду застрелиться? И неужели сделал бы это?

– Почему – «бы»? Просто в обойме оказались пустые гильзы. Даже и не холостые патроны...

– Шурик, ну как ты мог? Ты о нас с Нинкой хотя бы подумал...

– Вот как раз потому, что подумал... Чтоб эти... козлы от вас отвязались... Ты ж их не знаешь, а я-то знал... Да ладно, чего теперь?

– Сам начал...

– Сам, конечно, извини. А, кстати, как тебе наша дочка? Кажется, ей Англия пошла на пользу.

– Я боюсь, что даже слишком. Эта ее новая манера... Категоричность, «я считаю...», безапелляционный тон... Рановато, Шурик, хотя я не против, а тоже – за.

– Но ведь взрослый человек...

– Ты сейчас будешь сердиться, но я должна все равно признаться.

– А ты не серди меня! – засмеялся Турецкий. – Что за признание? Очередная измена мужу?! – Турецкий округлил в неподдельном ужасе глаза и стал шарить взглядом по столу, будто в поисках ножа.

– Да ты обязательно рассердишься, – не приняла его игры Ирина, – если я скажу, что Нинка тебя любит гораздо больше, чем меня, хотя я ее мать! А ты, естественно, никакая не мать! И она это в последнее время постоянно подчеркивает.

– Что я – не мать? – Турецкий захохотал.

– Нет, конечно, я говорю о том, что, по ее убеждению, ты умнее, сильнее, несмотря ни на что, добрее, может быть, по отношению к ней, менее требователен... Что еще?

– А что может быть еще, Ирка, если ты ее пытаешься терроризировать, когда у тебя со мной не получается. Но я-то не обижаюсь, а она маленькая.

– Ага, а меня, значит, вам всем можно обижать? Только потому, что я уже большая?

– Не сердись, ты обещала... И тебя нельзя. Но Нинка... А пусть она дома почувствует себя на минутку самой главной! Ну, надо ей! Это – самоутверждение, она потом будет английским

подругам рассказывать, как ее здесь любят и все разрешают. Вполне возможно, в отличие от них. Рассказывать и при этом не врать, понимаешь? Такое ведь дорогого стоит!

– Я не понимаю только одного, Шурик, – печально заметила Ирина, улыбнувшись. – Кто из нас двоих больший психолог? Конечно, ты прав, а я – балда. Я все чего-то боюсь. Видимо, по старой памяти. Отложилось уже где-то в мозжечке, что опасность постоянно рядом и надо без конца оглядываться. Хотя и повода уже вроде нет... Ну, такая я, не сердись.

– А я тебя за это и люблю, понятно?.. Вот допьем, выйдем, я тебя затащу за угол, в кусты сирени, и стану целовать.

– Ага! – словно обрадовалась Ирина. – Значит, это у тебя отработанный годами маневр?!

– Ну, знаешь! – оторопел Турецкий. – Это только замужней женщине такое может в голову прийти! Вот уж не думал!

– Ну, конечно, у тебя такие финты уже давно на автомате проходят?

Он готов был обидеться, но заметил-таки чертиков, скакавших в глазах жены, и засмеялся с облегчением.

– Ирка, ты уж меня не пугай, пожалуйста, а то так и пивом можно подавиться... Чем бы тебя еще угостить?

– По-моему, – Ирина осторожно погладила себя по животу, – мне уже не пить пиво надо, а в одно заведение... Кстати, оно тут вообще-то имеется?

– Раньше было на улице. Как раз за теми кустами сирени.

– Это где ты меня целовать собирался?! – теперь округлила глаза она. – Шурик, что я слышу?! Это в твоём репертуаре что-то новенькое! – Ирина захохотала так, что на нее стали оборачиваться посетители пивного бара, а Турецкий в изнеможении просто рухнул лицом на стол.

– Счастливые люди, – услышал он низкий голос, в котором определенно сквозила грусть.

Продолжая плакать от смеха, Александр Борисович поднял голову, обернулся и увидел за соседним столиком явно знакомое лицо пожилого мужчины, одетого не совсем по времени и месту присутствия. Как-то в галстуках и шикарных сорочках по пивным не шатаются. Он и сам хоть был в черном костюме, но строгий галстук, уместный на кладбище, все же снял и сунул в карман. Но откуда лицо-то знакомо? А, все равно! И он приветливо кивнул, продолжая всхлипывать.

Встал, подошел к стойке бара и тихо спросил бармена насчет туалета, затем вернулся к столу, наклонился к уху жены и сказал, куда идти, все было рядом, в помещении. Новое время, ничего не скажешь! Это раньше – забежал за угол...

Ирина поднялась и отправилась в угол, где была занавеска.

– А ведь вы меня не узнали, Александр Борисович, – печально заметил сосед, и Турецкий вмиг его вспомнил.

– А вот и нет, уважаемый Семен Викторович, – с некоторым облегчением ответил он. – Что вас, извините, занесло сюда? Да еще при параде? На выставке были, наверное?

– Какой выставке? – не понял Осипов.

– А там, я читал на афише... – Турецкий качнул головой назад. – Электро... чего-то.

– Ах, вон вы о чем! Ну да, пришлось... попредставительствовать маленько... – Он небрежно отмахнулся от своего тягостного участия. – Настроение не то...

– Что-то случилось? – вынужден был спросить Турецкий. Все равно надо дожидаться Ирину, да и расплачиваться за стол, если она больше ничего не захочет.

– Как говорится, тяжелый семейный случай, Александр Борисович...

Турецкий вспомнил, что у Осипова где-то пять, что ли, лет назад трагически погибли дети. Кажется, сын с невесткой. Костя рассказывал, ну да... Но сейчас высказывать сочувствие по поводу события давно прошедшего было, наверное, не очень уместно. Или уже что-то новое пришло? И Александр Борисович, состроив печальную мину, покивал с пониманием.

– С внучкой теперь проблемы, – словно через силу произнес Осипов, поворачиваясь уже всем телом к Турецкому и явно желая поделиться с ним своими заботами.

«Это было бы очень некстати, – подумал Александр Борисович. – Ирка придет и тоже будет вынуждена слушать. А ей надо? Да ей сейчас надо срочно домой – и в койку с горячо любимым мужем, пока он не успел передумать... это... целоваться... взасос, черт возьми! Ой, оказывается, как соскучился! И Нинки еще нет, она только к вечеру появится, это если еще явится от бывшей школьной подруги: надо же про Англию рассказывать!»

– Вы не обидитесь, если я у вас займу несколько минут, Александр Борисович? Честное слово, я даже рад, что неожиданно вас встретил. У вас ведь, по-моему, тоже дочка? Значит, и проблемы наверняка те же?

– Да ради бога, какой разговор?... Беда, что ль, какая?

Осипов вместе со стулом и своей почти полной кружкой пива передвинулся к столу Турецкого. Видно, и пиво мужику совсем не лезло в глотку. А пиво здесь отменное, разливное, свежее. Да и раки очень были неплохие. Ирка накинута, а теперь обязательно будет дома жаловаться, что все губы себе исколола, – ага, так он ей и поверит!.. «Одну минуточку!» – скажет он ей на это...

Занятый своими весьма корыстными, надо сказать, мыслями, Александр Борисович не сразу врубился в смысл рассказа проректора Осипова. Но быстро уловил суть из пары дальнейших фраз. Ясно, взаимоотношения поколений при полном непонимании друг друга! Как раз то самое, что они с Иркой только что обсуждали. И в первый раз в жизни не поссорились! Нет, это ж надо! Кто бы поверил?! А, кстати, что-то ее не видно, может, пойти помочь? Проверить?... Нет, вон, вышла, идет... сейчас объяснять придется...

– Здравствуйте, Ирина Генриховна. – Осипов поднялся при ее приближении и поклонился с достоинством, ишь ты!..

– Ир, я хочу тебе представить Семена Викторовича, наш крупнейший правовед. Проректор Академии. Случайно вот пересеклись... Те же проблемы, что и у нас с тобой. У нас – Нинка, а у профессора – Юля. Вот и обсуждаем... Извините, Семен Викторович, Ир, а ты, может быть, еще чего-нибудь, да поедем?

– Я бы кофейку хорошего, если можно, а то губы... – она подвигала губами, осторожно облизывая их кончиком языка. – Даже помада не смягчает. И как я теперь буду?..

– Что, мужа целовать? – быстро нашелся Турецкий.

Ирина усмехнулась с таинственным видом и с сомнением покачала головой:

– Возможно... и это тоже.

– Я научу, – засмеялся Турецкий и махнул рукой официанту. Тот вмиг подошел. – Будьте любезны, парочку крепкого кофе. А вы, Семен Викторович? Я смотрю, пиво у вас не идет.

Осипов взглянул на свою кружку как на что-то постороннее и абсолютно лишнее и кивнул. Турецкий показал официанту три пальца.

– Извини, Ириш, мы закончим?

– Ради бога, ради бога...

– Кстати, и твой совет может понадобиться. Она у меня, Семен Викторович, серьезный психолог. Говорю без всякого снисхождения, вы меня знаете. Ну, ну, и что девочка?

И Осипов продолжил рассказ о своих непониманиях в отношении внучки, которая им с женой на самом деле является единственной дочкой. Ирина внимательно слушала или делала вид, не важно, и это обстоятельство, похоже, вдохновляло профессора. Но, в общем, к тому, что он уже успел рассказать, ничего нового, увидел и Турецкий, не добавилось. И, неуверенно закончив, Осипов вопросительно взглянул на Ирину, будто ее психологический опыт в настоящее время мог действительно оказаться главным. Проследив за взглядом профессора, Турецкий тоже, пряча лукавство, уставился на жену: давай, мол, блесни!

И Ирина, заметив эту «детскую» игру мужа, негромко и словно бы задумчиво, что придавало ее словам дополнительный вес, высказала свое, может быть, даже не столько и профессиональное, сколько чисто женское, материнское мнение.

Фактически ничего нового и необычного она не услышала, да, к сожалению, в данном случае переплелись несколько проблем. Возраст, взаимоотношения в семье, какими бы они ни казались прекрасными стороннему взгляду, свои собственные интересы, связанные с родом деятельности, и, наконец, возможно, кажущиеся нелогичными действия, поступки, продиктованные впервые проснувшимся чувством. Страшат непонятные компании? Ну, конечно, сразу возникает опасение, чтобы дитя не потянулось к наркотикам. Или там к преждевременному интересу к сексу, о котором только и болтают все молодежные программы телевидения, будто ничего иного им, молодым, уже и не осталось.

Естественно, всплыло в памяти и сегодняшнее печальное событие, закономерному окончанию которого Турецкие сегодня стали прямыми свидетелями. Похороны талантливого мальчика, чья психика, видимо, не выдержала невероятного давления пресловутого шоу-бизнеса. Но именно этот факт, как оказалось, и стал поводом для особого беспокойства семьи Осиповых. Юлия была страстной почитательницей таланта погибшего певца, и больше всего боялся Семен Викторович, чтобы этот прискорбный факт не стал причиной и ее трагедии. Опять же эта непонятная компания художников... Юлия по образованию дизайнер, и ее интерес понятен. С одной стороны. А с другой? Черт его знает, как реагировать, когда она является домой прямо сама не своя... Особенно в последнее время. Чем они там занимаются?.. Еще этот Интернет, который занимает у нее практически все домашнее время, и, главное, не дай бог спросить о чем-нибудь! Какие-то бесконечные тайны. Войти в ее компьютер и посмотреть? Но ведь кругом же секреты! Пароли! Господи, да никогда ж ничего подобного не было! А тут словно подменили девочку... Да и самому же стыдно!.. Ну вот, а теперь она помчалась на похороны, и Татьяна говорит: «Смотри, случайно не попадись ей там на глаза!» Да какой попадись! Он и не поехал, понадеявшись на авось, будь оно все неладно!..

– А ничего, знаете ли, там экстраординарного не было, – успокоила деда Ирина. – Мне показалось, что это обыкновенная, как они говорят, «светская тусовка».

– Да, – хмыкнул Александр Борисович, – певчечек раньше в светское общество как-то не принято было приглашать... Видимо, и «свет» был другой.

– Уж это точно, – подтвердил Осипов.

– Пугает увлечение Интернетом? – продолжила между тем Ирина. – Что ж, тоже вполне объяснимо. Невероятные возможности, контакты, переписка, знакомства, короче говоря, все тебе доступно, и никто не может приказать: нельзя!

Тут Ирина усмехнулась, напомним мужчинам об одном историческом документе, именуемом «папирусом Крисса». Так в нем, говорят, еще шесть тысяч лет назад или около этого уже было написано, что времена меняются в худшую сторону и молодые не слушаются стариков. Вот и ответ. Это что касается общего принципа, а если рассуждать о частностях, то надо поступить просто: во-первых, узнать, что за компания так привлекает Юлию, а во-вторых, найти возможность узнать, не вызывая при этом подозрений у девушки, что конкретно интересует ее в Интернете. При современных технологиях выяснить такой вопрос может любой специалист. Впрочем, совсем не исключено, что при умном подходе к решению проблемы и сама Юлия согласится рассказать о своих увлечениях. Или каких-то неприятностях, сомнениях, мало ли, проблемы могут быть разными. Просто нужна мягкость и еще раз мягкость. Искренняя, а не показная, не формальная.

Слушая жену, Турецкий важно кивал, полностью с ней соглашаясь и даже не подозревая, какую свинью подложил ему еще в недавнем прошлом лучший друг и учитель. Потому что, чем дольше он соглашался, тем больше крепла у Осипова уверенность в правоте Кости Мер-

кулова. Да, именно Турецкого и надо уговорить заняться этим, прямо скажем, неблагодарным и хлопотным делом...

3

Будучи опытным юристом-теоретиком, Семен Викторович простыми следственными действиями занимался в своей жизни весьма короткое время и поэтому, все понимая, соглашаясь полностью с выводами Ирины Генриховны, сам тем не менее не мог бы сделать и одного шага в предложенном направлении. Ну, начать с того, что все его знают, и можно себе заранее представить, как будет выглядеть в глазах посторонних людей его просьба к ним проследить за его собственной внучкой. Это же стыд и позор! До седин дожил – и этакое! И, конечно, займись делом Турецкий, можно было бы совсем не беспокоиться за его исход, главное, чтобы Александр Борисович взялся, согласился... А то он человек капризный, как заметил Костя, иной раз и непредсказуемый. Зато обладает блестящим качеством, присущим настоящему профи, – он предельно тактичен, и в этом смысле на него можно полностью положиться.

Вот вроде бы и несложная задачка, а Осипов никак не мог решиться выступить со своим предложением, точнее, убедительной просьбой, учитывая и то, что Костя просил его ни в коем случае на него не ссылаться: можно разом все испортить. Кому ж еще, как не ему, и знать Турецкого...

И Семен Викторович предпринял хитрый ход, так ему представилось. Он начал сетовать на то, что, принимая доводы Ирины Генриховны, не знает, к кому обратиться. Может быть, они, как люди опытные в решении таких проблем, подскажут?

– Вы знаете, я почему-то опасаюсь всех этих ЧОПов. Возможно, зря, поскольку у меня самого не было случая разочароваться, тогда как у знакомых – масса. Примеров, причем, очень нехороших.

– Странно, – немедленно возразил Турецкий и с нетерпеливым ожиданием посмотрел на жену, которая медленно, смакуя, допивала действительно приятный кофе.

Не мог не отметить этого Осипов. Ну, понятное дело, торопятся. А другого удобного случая у него может и не представиться.

– Нет, конечно, иные действуют грубовато, с нарушением законов, – продолжил Турецкий, – но результатов, как правило, добиваются. Считайте, что вашим знакомым просто не повезло. Частный случай. Не хочу хвалиться, но та же наша «Глория» запросто справилась бы с такой работой. Это я так, к слову.

– Да, я готов согласиться с вами, Александр Борисович, но вы же понимаете, что в данном случае любая грубость, как вы говорите, любая оплошность может обойтись чрезвычайно дорого. Вот чего я опасаюсь. Я очень переживаю за Юлю. Вы – сами отец, понимаете меня, а я надеюсь, что наши девочки будут оставаться таковыми, – он как-то горько усмехнулся, – пока мы живы и здоровы... дай-то бог...

– Ну, думаю, вам стоит все-таки поискать, – произнес Турецкий уже без интереса и сделал движение, словно собираясь подниматься.

– А в своем агентстве вы действительно так уверены? – заторопился Осипов.

– А почему я должен быть не уверен? Вот и Ирина, я думаю, подтвердит, что ничего особо сложного в вашем деле быть не может. Аккуратность – это главное. Так что, если решитесь, заезжайте, могу вам даже визитку дать... – Турецкий достал из верхнего кармана пиджака визитную карточку и протянул ее профессору. – Ну как, Ириш? Расплачиваюсь и двигаем?

– Так, простите, Александр Борисович. – Осипов тоже поднялся. – Мне теперь, собственно, и ехать-то после ваших любезных советов некуда, кроме как... к вам! Может, мы заодно уж и решим? Я не задержу, поверьте! А вы назначьте мне время, что там надо будет

заплатить... Вам я верю абсолютно! И потом, мне хотелось бы поскорей, поймите мое нетерпение...

– Ну-у... – протянул Турецкий. – Подъезжайте, если вам удобно... да хоть прямо завтра. И обратитесь к Всеволоду Михайловичу Голованову. Он у нас исполняет должность генерального директора. Очень опытный оперативник, аналитик, умница. Прошел Афган и добрую половину Чеченской кампании, работал в МУРе. Дело знает.

– Александр Борисович! – Осипов жалобным взглядом уставился на Турецкого. – А я надеялся...

– Вы хотите, чтоб я этим занимался?! – искренне изумился Турецкий и несколько ошарашенно взглянул на жену. И та кивнула, приглашая его соглашаться.

Уж кому, как не Ирине Генриховне, было известно, почему мается Шурик. Да ему сейчас любое дело, даже самое сквалыжное, только на пользу! Дурь из головы выметет! И она кивала с самым серьезным видом: соглашайся! И как бы демонстрировала, что готова в любую минуту тоже включиться, если потребуется и ее профессиональная помощь.

Турецкому стало смешно. Черт-те чем приходится заниматься! В сортирный глазок подглядывать! Ну, это, конечно, сильное преувеличение, но близится к тому, ох как близится... Душа не лежала, однако и противостоять именно сейчас, в расслабленном состоянии, когда Ирка словно вернулась к нему из дальней командировки и так надеется, что и он теперь никуда больше не убежит, не оставит ее, – словом, возражать было трудно.

– А уж Танюша моя как бы сразу успокоилась! – с искренней тоской протянул Осипов. – Вы ж, Александр Борисович, не кто-то там, со стороны, а почти свой человек. Извините... Как я рад, что Бог мне вас сегодня послал, вы и не представляете...

Казалось, еще минута, и этот «академик» расплатится – то ли от ожидания положительного ответа, то ли от уверенности, что «чудо» уже свершилось. Ну где ж теперь отказать? Запоздало проклюнулась мыслишка: «А было б тебе, Турок, не давать советов... Старый принцип забыл: кто их дает, тот чаще всего сам и выполняет. Ну куда ты теперь денешься, соглашайся. Но...»

Это самое, неопределенное «но» оставалось. И Александр Борисович, вопреки собственному же мнению, интуитивно чувствовал, что здесь будет не так однозначно и просто, как представляется. Большие сомнения вызвала у него просьба профессора, более напоминавшая мольбу. Ибо, что там ни говори, но уже просто в силу своего жизненного опыта Турецкий представлял, насколько тонким и щепетильным может оказаться это расследование. Не зря же сомнения мучат. Зато и Ирку запрячь можно будет – по всяким бабьим делам...

«Значит, поездка к Славке на неопределенный срок отодвигается, – с легкой грустью подумал Александр Борисович. – Нинка переживать станет, она уже намекала прозрачно, что если папе будет угодно посетить последнего своего, самого лучшего друга, то она немедленно последует за ним. Это ж рассказывать потом в колледже, что она живого тигра наблюдала в естественных условиях, – никто не поверит! Да, будет переживать... А с другой стороны, если поднапрячься и по-быстрому разобраться в смятенной душе юной рекламщицы... – или рекламистки? Надо будет узнать, как правильно, – можно и на край света успеть, пока Нинка не укатила обратно, в свою Британию».

– Ну ладно, – решительно кивнул Турецкий. – Раз уж и супруга советует, как отказаться? Давайте завтра в агентстве встретимся, где-нибудь... да сами скажите, когда вам удобно. Позвоните мне домой вечером. Мы, наверное, после десяти будем дома. Да, Ириш? Надо ж еще сегодня и к ребятам в «Глорию» заглянуть... – И он, посмотрев на счет, поданный официантом, полез в карман за бумажником. Жестом остановил профессора: – Не надо, я заплачу...

– Звоните, – торопливо улынувшись, сказала Ирина Генриховна и взяла мужа под руку, чтобы тому не пришлось в голову продолжить разговор с Осиповым до самой стоянки машин у выхода из парка.

– Благодарю вас. – Профессор привстал и склонил голову, ну прямо как на великосветском приеме. И, проводив взглядом выходящих из бара Турецких, достал из кармана свой мобильник. – Костя! Ты даже не представляешь себе, как удачно все получилось! Я от него и особых возражений не услышал.

– Ну вот, а ты говорил... – пробурчал Меркулов в ответ. – А он ничего не заподозрил?

– Нет, слава богу!

– Хорошо. И пусть это будет нашей маленькой тайной. Смотри, Семен! Ни в коем случае не проболтайся. Саня упрямый, можешь все дело загубить...

– Да я уж понял... Спасибо тебе, Костя!

4

Вся команда была в сборе – за изрядно уже подчищенным столом, накрытым традиционно в директорском кабинете. Впрочем, Турецкие есть уже не хотели, а заехали, как обещали, лишь для того, чтобы соблюсти древний обычай – поднять рюмку в память ушедшего товарища. Вид у них при этом был не то чтобы благодатный, но уж умиротворенный, это точно. Что и было немедленно отмечено всеми присутствующими, по лицам которых заскользили почти не приметные усмешки.

Наливая рюмки вновь прибывшим, Голованов чуть склонил голову к Турецкому и негромко спросил, пряча ухмылку:

– Домой-то хоть успели заскочить?

И Александр Борисович, словно отыгрывая подачу мяча, с той же миной сосредоточенной серьезности ответил:

– А что, разве не заметно?

Сева чуть не поперхнулся и, дернувшись, пролил водку на стол. Это было тут же замечено Ириной Генриховной, которая с осуждением взглянула на «шалунов» и укоризненно покачала головой. Но скорбное настроение, царившее в агентстве, по понятным причинам, с раннего утра, было вмиг развеяно. Да и чего там объяснять, скрывать? Кому не известно, что в семье Турецких вот уж более полугода длилось напряжение, перераставшее временами в открытое противостояние, и это несомненно и далеко не самым благоприятным образом сказывалось, разумеется, на рабочей атмосфере в агентстве. Так что надо ли пояснять, что установление мира у Турецких могло всеми коллегами только приветствоваться. И какое бы событие ни стало тому причиной – печальное ли, счастливое, – уже было без разницы. Турецкий это видел. Ирина? А кто ее знает!

Но она, одним взглядом утихомирив великовозрастных мальчишек, встала и произнесла такую проникновенную речь о Дениске Грязнове, что ни у кого не возникло даже и мысли принять ее слова легкомысленно. Ни для кого не было секретом, что Ирина знала Грязнова-младшего ровно столько же лет, сколько и его дядьку, но, относя себя все-таки к старшему поколению, то есть к Шурику и Славке, смотрела на Дениску как на сына либо младшего брата. То есть практически по-родственному... В общем, даже компьютерный гений «Глории» Максим, о непроницаемой твердокаменности коего можно было саги слагать, ибо он казался напрочь лишенным нормальных человеческих эмоций, – короче, и невозмутимый Макс прерывисто засопел, машинально стряхивая со своей разбойничьей бородищи несуществующие крошки. Что же говорить о других-то, едва не прослезившихся?.. И если до сей минуты еще оставались те, кто полагал, что в углублявшихся конфликтах в славном семействе Турецких была изрядная вина Ирины, и они немедленно простили ей такие нелепые, черт возьми, свои заблуждения...

Турецкий переглянулся с Головановым, и оба, без тени юмора, многозначительно покачали головами. Вот, мол, на что способна женщина, когда она... Или нет, когда у нее... Словом,

когда ее душа парит от переполняющих чувств. А еще у Сани юркнула мыслишка: «Неужели тебе, старому дураку, потребовалось потерять столько драгоценного времени, чтобы понять эту простую, в сущности, истину?» Но самое, пожалуй, забавное было в том, что, переглянувшись с Севой, он увидел, что и тот подумал об этом же. У Севки ведь тоже дома серьезные нелады... Да, таки прав библейский Соломон Давидович, сказав, «что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем...». А все мужики одинаковые...

И они выпили.

– Ну вот и все, и достаточно, – твердо заявила Ирина, словно давая всем понять, что даже траурное мероприятие, вне зависимости от степени его значимости, может легко перерасти в обыкновенную пьянку, характерную для любых, преимущественно мужских, застолий. – А ты, Шура, не хочешь ли рассказать о том предложении, которое получил сегодня?

– Что, работенка появилась?

Оживились мужики. Ну да, лето же, проклятый мертвый сезон. Ревнивые жены и мужья, как когда-то выразился старина Макс, разбежались по «канарским бермудам», квартирными кражами занимается сонная милиция, а приезжие VIP-персоны обходятся исключительно собственными, балдеющими от безделья бодигардами. В такое время поневоле приходится думать о вынужденных отпусках.

– Не бог весть что, но... На безрыбье, как говорится, или на худой конец...

– Опять худой... – печально вздохнул, рассмешив народ, Филипп.

А Александр Борисович пересказал в общих чертах суть просьбы профессора Осипова. Сыщики поскущели. Думали, действительно, а тут...

– Похоже, хлопот предстоит немало, а доходу – пшик, – пробурчал простодушный Филипп Агеев.

– Вам-то чего? – прошамкал что-то жующий Макс. – Это, вижу, главным образом по моей части... А у меня, если изволите слышать, господа-товарищи, уже основательно зависла парочка компов. Пора менять, профилактикой уже не отделаешься.

– Ну, значит, что заработаем, то и отдадим тебе на технику. – Турецкий пожал плечами. – Без этого нам тоже никуда.

– Ну, если только на этих условиях... – легко согласился Макс. Но, помолчав, задумчиво добавил: – Только врите ведь, заработаем-то копейки. А там и что-то первоочередное найдется, не знаю, что ль?

– Не занудствуй! – перебил его нытье Голованов. – Чего ни заработаем, то твое. Борисыч, ты уж сам продумай тогда, планчик сообрази какой-никакой, ну чтоб все путем...

– Завтра же и прикинем... Я говорил вам, что созванивался со Славкой?

– Был разговор, – подтвердил за всех Макс. – А шеф и сам недавно звонил, слова произнес, понятное дело. Но оптимизма в речах мы не уловили.

– Да уж какой оптимизм... – пробормотал Турецкий, снова возвращаясь к мысли о том, что сам себе навязал черт знает что и до Славки этим летом, кажется, опять не добаться. Вот и вопрос с «Глорией» нужно было бы как-то с ним утрясти.

После гибели Дениса общим решением и поставив, естественно, в известность «правообладателя» Вячеслава Ивановича Грязнова и. о. гендиректора с общего согласия назначили Всеволода Голованова. И тот исправно тянул лямку, хотя административные дела ненавидел всеми фибрами. Но теперь и Сева не то чтобы взбунтовался, но потребовал пересмотреть прежнее решение. Он оперативник, да хоть и аналитик, – кто угодно, но только не администратор. А в последнее время представлять агентство во всяких высоких сферах, как, впрочем, и среди капризной клиентуры, где смотрят в первую очередь не на твои рабочие качества, а на умение вести подобострастный диалог, оказывать «уважение» и вообще обладать стойкими холуйскими способностями, – вот в этой атмосфере Всеволод Михайлович Голованов, бывший майор, командир разведгруппы спецназа ГРУ Генштаба Министерства обороны России, не

чувствовал себя подобно рыбе в родной ее стихии. Возможно, и это обстоятельство не помогало с выгодными и денежными клиентами. Гадать можно все что угодно, но Сева требовал собственной отставки. Не нужны мне, говорил, лычки бренд-майора, хочу обратно, в простые топорники. И все понимали, что для пользы дела так оно будет лучше. И убеждали Александра Борисовича, который, являясь в недавнем прошлом не только первым помощником генерального прокурора, но по сути своей «важняком» высшего класса и, хотел он того или нет, находясь и в отставке, продолжал представлять собой лицо весьма значительное и по закону – как у профессионалов, и по определению – как у отдельных членов правительства, и по понятиям – как у большинства клиентов. Но Турецкий не спешил торопиться. Подобно широко известному киногерою, хотел пока «пешком постоять». Честно признаваясь перед самим собой, но ничего не говоря коллегам, он где-то отдаленно надеялся, что в такой вот нелегкой ситуации ему удастся подвигнуть Славку вернуться и возглавить, как в добрые старые времена, им же рожденное агентство. «Глория» – это ведь в переводе с латыни «Слава», так предложила тогда назвать рождающуюся частную структуру бывшая подруга Грязнова, принявшая в этом деле самое активное участие. И не только советом, но и деньгами...

А еще у нее подружка славная такая была, Карина – знойная женщина, которая однажды призналась, причем не в шутку, а вполне всерьез, что мечтала стать если не женой, то хоть любовницей полковника. Надо же! Ну а до генеральских звезд госсоветника Турецкому было еще ой как не близко... Саня в ту пору исполнял должность обыкновенного старшего советника юстиции. Кажется, что вчера, а на самом деле – в давно забытой уже первой половине девяностых годов прошлого столетия... Веками оперируем уже, подумал он и хмыкнул. Увидел вопросительный взгляд жены и успокаивающе кивнул ей: мол, своим мыслям.

Так что не готов он был сейчас, пусть и временно, возглавить агентство. Не хотел. Помогать Севе – это сколько угодно, а отвечать за все про все – зачем? И потом, ему совсем не нравилось отношение к «Глории» Константина Дмитриевича Меркулова. Зам. генерального прокурора почему-то считал, что «Глория» – это нечто вроде его «карманного» агентства и он может им распоряжаться по своему усмотрению. Естественно, что Турецкому, стань он во главе ЧОПа, придется вольно или невольно придерживаться одной из двух возможных линий поведения. Либо идти у Меркулова на поводу, что в корне противоречило бы взглядам Александра Борисовича на частную розыскную деятельность, либо запретить кому бы то ни было, включая в первую очередь Костю, вмешиваться, поучать, наседать и надоедать советами. Нет, если ты хочешь помогать – помогай! Но не вмешивайся в наши дела и, ради бога, убери ко всем чертям свою пресловутую политическую целесообразность. Сами угрожали советскую власть, так нечего теперь демонстрировать ее отрывки типа «телефонного права», субординации и экзерциции с экзекуцией! Мы сами с усами. Учите своих... Костя этого, естественно, не поймет, не примет и будет злиться. Отсюда и начнутся бесконечные конфликты. А это надо? Оно помогает работе? Ни-ко-гда!

Зато Севке проще, он отродясь к Генеральной прокуратуре не имел никакого отношения и притязания Меркулова вполне может оставить без внимания.

Это был не каприз какой-то Александра Борисовича, а тонкий, по его мнению, дипломатический ход. Чтоб и отношений не испортить с Костей, у которого всегда можно попросить помощи – чисто по-дружески, по-товарищески, а при острой нужде и возразить с достаточной твердостью: «Извини, дорогой, но давай лучше оставим Богу – Богово, а кесарю – кесарево, и – без обид» – и сохранить в то же время свое, независимое ни от каких властей лицо. А самостоятельность, то есть неангажированность ни от каких сил в обществе, собственной позиции в охранно-розыскной деятельности – это гораздо больший плюс в глазах клиентуры, чем некоторым представляется. Крепкие связи, налаженные в разных государственных и частных структурах, конечно, замечательны и необходимы в работе, но по отношению к тебе должно сразу же возникнуть еще и полное доверие клиента. А оно легче всего отдается обычно тому,

кто сам объективно знает свою истинную цену. Несложная, в принципе, философия, которую можно, пожалуй, выразить одной фразой: «Не надрывайся в уверениях относительно собственной лояльности». Или, если чуть грубее, как заметил однажды известный поэт, «вынь язык из государственной задницы...». Ну да, и сразу почувствуешь себя свободным! А что?..

Турецкий заметил устремленный на него, слишком уж подозрительно пристальный взгляд жены и... нашелся: подмигнул ей со скрытым значением. И поймал-таки: Ирка смутилась, даже покраснеть вроде бы собралась. Вот и этот вопрос снят, слава богу. Тем более что Нинка сегодня, как вмиг успел выяснить у супруги Александр Борисович, когда они примчались из Сокольников домой, чтобы немедленно закрепить примирение, остается ночевать у своей бывшей одноклассницы – там у этих соплюх нынче, видите ли, пати!.. Ну а раз обстоятельства складываются именно так, а не иначе, нечего сейчас и огород городить. Завтра с утра, после более детального разговора с Семеном Викторовичем и можно будет начать, как говорится, помолясь...

Вряд ли впоследствии вернется Александр Борисович к этой мысли: начать, помолясь, – а жаль. Может, добрая молитва добавила бы отчасти серьезности в отношении расследования, за которое он взялся, мягко выражаясь, несколько легкомысленно. Под воздействием собственных эмоций, что ли?..

Глава вторая

Кое-что из дневника...

«...Какой-то бесенок сидит рядом и толкает под локоть: ты чего творишь, парень?! Да кто ж тебе позволил это делать? А если твои сумбурные записи – как ты считаешь, для себя – попадут к тому, кому о них знать вовсе и не следует? Ты подумай все-таки, как потом оправдываться-то станешь. Должностное преступление, однако, изрек бы наш друг-чукча...

Ну, думаю, думаю, отвяжись уж...

Надумал вот, что никому они, эти мои записи, не будут нужны. Даже мне самому. И вообще, не хочу я ничего писать о своей работе, а значит, и опасаться нечего. Но тогда о чем писать? И почему же так тянет?..

Вчера Сережка анекдот рассказал. Совсем древнего, одинокого старика молодая врачиха спрашивает: «Вы что же, дедушка, так всю жизнь прожили совершенно один? И к женщинам не тянуло?» А он отвечает: «Нет, теперь-то я понимаю, что тянуло, но я думал, что это ревматизм». Пересказал ночью своей девице, она безудержно хохотала, а под утро уверенно заявила мне, что от ревматизма я никогда страдать не буду. Разве что от бессонницы. Хочется многократно верить этой ее прекрасной уверенности, тем более что даже процесс нашего утреннего расставания был достоин божественной песни...

Я понял, откуда эта почти графоманская страсть к печатному слову! Оно ведь, это графоманство, обещает дать автору возможность хоть как-то обеспечить себе пусть и скромненькое, сбоку, на приступочках, но все же местечко в грядущей вечности, среди мэтров, изрекающих великие, расхожие истины. Или максимы. Среди Вольтеров и Монтеней, мать их растудить!

А страсть к печатному слову, между прочим, в наше время самореализуется совсем легко, стоит только дойти до улицы 1905 года либо до Правды, где газетные комбинаты ждут тебя, не дождутся, Турецкий! Вместе с твоим высшим юридическим образованием! Так что торопись, пока другие не опередили... И если у тебя уже есть, что сказать... Кстати, каждый почему-то уверен, что ему есть, о чем беседовать с потомками. Какая самоуверенность, однако, – как сказал бы дядя Ваня Рульатыгин!»

Александр Борисович вспомнил: был в свое время, где-то в шестидесятых – семидесятых годах, такой главный партийный руководитель на Чукотке, «рулил» своим малочисленным народом, наверное, отсюда и фамилия. В анекдотах употребляли ее к месту и не к месту, хотя говорили, что человек он был вполне приличный – по местным понятиям. Очередное веяние времени...

Турецкий усмехнулся и захлопнул основательно потертую дерматиновую обложку толстой общей тетради, на которой была аккуратно выведена чернильная единица. Том первый! Всегда все начинается с первого слова. Даже Вселенная. Пусть звучит высокопарно, зато полностью соответствует библейскому взгляду на сущность бытия. Первая запись в этой тетрадке была им сделана в 1981 году. Четверть века стукнуло! Красота, кто понимает! Самый тот возраст, когда человек начинает задумываться о Вечности. Решил и он, по примеру классиков, начать вести дневник. Личный и тайный. Чтоб когда-нибудь, через годы и десятилетия, потомки опубликовали мысли своего великого предка и восхитились, разумеется, зрелостью рассуждений молодого человека последней четверти двадцатого столетия.

А начинающий юрист, если не изменяет память, и она по идее не должна изменять ему, как раз ту ночь провел вне дома. И, явившись на рассвете, не от Таньки, нет, она возникла немного позже, а от Катерины, вот от кого! – был полон пережитых эмоций и, естественно, мыслей, которые призывали к немедленному словесному извержению. Так и пришло это философское решение: поставить перед собой зеркало-собеседника, на которое можно запросто и

откровенно, а главное, без натуги сливать любую воду. С пеной и без. Надо просто, как говорили старики, не смотреть в зеркало долго. Опасно...

Все продумал, даже способ хранения, который так и не менял с того мартовского дня. Среди тетрадей с лекциями! Кипа их, перевязанных бечевками, постоянно потом пылилась на любых антресолях, где бы ни проживал в дальнейшем Турецкий. Дражайшая супруга пару раз натыкалась на связки этих тетрадок, но внешний вид их был настолько неопрятен, а по правде говоря, и безобразен, что ничего, кроме брезгливой гримасы, у Ирки не вызывал. Что и требовалось Александру, который запретил прикасаться к его «лекциям», в которых он как бы все еще надеялся найти ему одному известные, веские формулировки. Но теперь, в связи с всеобщим семейным помешательством на юриспруденции – недавно и Нинка уже глубокомысленно заявила, что тоже «подумывает» о юрфаке. И, узнай она о папиных «лекциях», непременно сунет нос. Значит, придется дневник, представлявший собой теперь уже четыре толстые тетради, куда-то перепрятать. И основательно. Чтобы найти было трудно, а достать легко. О, задача, сформулированная предельно четко!

Но зачем ему потребовалась именно первая тетрадка? Тут же по большей части записи впечатлений о девицах, с коими сводила и разводила судьба, всякого рода сентенции относительно женского пола – вообще. И еще, кажется, должны быть некоторые заметки по ходу того первого, «громкого» для него и определенно знакового дела об убийстве на Сокольнической ярмарке, с которого, по мнению Александра Борисовича, он и сам начался как следователь. Под руководством «важняка» Кости Меркулова, если быть справедливым до конца. И при содействии молодого и симпатичного капитана милиции Славки Грязнова. Четверть века назад, господи! Поверить невозможно...

Нет, не ярмарка теперь интересовала. Нужны были именно девушки. Точнее, некоторые собственные выводы на этот счет.

Недавно разговаривал с одним старым знакомым, речь зашла, как обычно, когда встречаются «опытные» отцы, в любую минуту могущие превратиться в дедов, о подрастающем поколении. Да, тут, конечно, Ирка права со своим пресловутым «папирусом Крисса», о чем же еще говорить, как не о том, что молодые не понимают стариков и нравы все хуже и хуже? И тот мужик вдруг выдал поразительно точную фразу. «Нам с вами, Александр Борисович, – сказал он, – очень сильно мешает иллюзия понимания наших детей, вот что...» И Турецкий прямо-таки заикнулся на этой «иллюзии понимания». А то он уж было разбежался в связи с проблемами Юлии Осиповой, на решение которых сам себе отвел минимальное время, за вычетом тех нескольких дней наблюдений, которые придется потерять, негласно сопровождая девушку по ее служебным и прочим делам. Другое же поколение, и почему он решил, что знает его как свои пять пальцев?.. А в дневнике, помнится, что-то было по этому поводу. Причем искреннее, насколько это могло быть тогда...

Вообще-то лучше бы Ирку пустить по следу. Но она может проявить самостоятельность, влезть с инициативой в ненужный момент и все испортить. У нее такое случается. И нетерпение, и вполне возможное озарение как раз по причине той самой «иллюзии понимания». А с другой стороны – психолог, что ни говори, дипломированный. Или рискнуть?.. Скажем, отправить ее в гости к Осиповым – без дела, просто поболтать, познакомиться поближе с семьей. Тему придумать несложно, это обсуждается. Но что-то тут все же не нравилось Александру Борисовичу, сам не знал, что именно, а наобум, наудачу действовать не привык.

Пользуясь отсутствием своих дам – дочери, еще так и не прибывшей от гостеприимной подруги, и жены, которая отправилась на рынок, надо же дочь кормить, а теперь уже и мужа, хотя бы из чувства благодарности, – Александр Борисович торопливо листал страницы «первого тома» дневника в поисках собственных умных мыслей. Но их как-то... не встречалось. Красочные описания – эти были, причем вполне достойные кисти Айвазовского, как говорили в прошлом веке, определенно кого-то цитируя. Забыл, кого.

А вот и нашлось...

Недаром же Таня вспомнилась. Танечка, Танюша, добрая ей память... А ведь чуть не стала первой любовью. Может, все б тогда сложилось иначе. Лучше, хуже – другое дело, но иначе...

Нет, самой первой, по-настоящему, оказалась Рита с удивительной фамилией Счастливая. Между прочим, жена генерала – так, на одну минуточку. Вот где любовь была! Но несчастная, увы, не оправдала фамилия. В том самом сокольническом деле поздней осенью восемьдесят второго года Рита оказалась случайной жертвой мастеров заплечных дел из госбезопасности.

А Таня? Она была сокурсницей. Родом откуда-то из Сибири. Забылось уже, вон сколько прошло... В меру умная, симпатичная, но замкнутая и, казалось, немножко странноватая, будто отстраненная от шумных компаний, или строптивая без причины, что ли. Красивая фигура – рост выше среднего, плотненькая такая девушка и ножки – ну просто нет слов!

Вот с них и началось. Уже на последнем курсе он вдруг однажды «увидел» ее и, остановившись, почти воскликнул: «Ба, это куда ж мы раньше-то смотрели?!» Поразительно, девица, которая в течение нескольких лет мелькала у него перед глазами, не вызывая пристального интереса, вдруг словно припечатала к себе его внимание. И Турецкий, не откладывая дела в долгий ящик, тут же пригласил Татьяну в кино.

Он как-то и не думал, что его приглашение вызовет у девушки несколько настороженную ответную реакцию. Нет, он увидел, что ей очень хочется пойти с ним, но она явно чего-то опасалась. В общем-то понятно, чего опасаются все честные провинциальные девушки, попадающие в Москву, где вокруг них так и вьются гадкие соблазнители. Но за четыре-то года можно ж было уже и привыкнуть! К тому же свой парень, однокурсник. И она решилась, будто сделав над собой определенное усилие.

Его не столько картина интересовала, сколько желание убедиться, до какого предела его рукам будет предоставлена свобода. Однако номер не прошел, девушка по-настоящему увлеклась какой-то мелодрамой, от которой Турецкого воротило. Зато немедленно обнаружилась другая возможность «проверки». Девушка во время сеанса ерзала, поджимала ноги, легонько стучала носками друг об дружку, словно они у нее замерзли. Ну да, на улице слякотная, ледяная весна, понятное дело. Оказались сапожки худыми, промокшими, и вид у желанной красавицы – несчастным и обиженным, какое сердце выдержало бы и позволило ей после сеанса одной добираться на край света, в общежитие? Тем более когда почти рядом – они сидели в кинотеатре «Художественный» на Арбате – коммуналка, в которой проживал, отделившись от матери с отчимом, вполне самостоятельный человек Александр Борисович Турецкий. Даже и особо уговаривать не пришлось – товарищ же! Будущий коллега! Да разве он способен на какой-нибудь подлый поступок?! Конечно, не способен!..

Ни в чем не ошибся он: тело у Таньки оказалось суперклассным – тугим, сильным, как хорошо накачанный волейбольный мяч, и бархатно-нежным, а ножки, которые он долго и активно согревал в своих ладонях, вообще были выше всякой похвалы. Ну а уж темперамент ее вообще не шел ни в какое сравнение с другими подругами Турецкого! Ошеломила Александра и ее финальная реакция, когда девушка, стиснув его с какой-то неистовой силой, вдруг завопила: «Ой, мама-мамочка! Мама-а-а!» – определенно переполошив соседей по коммуналке, так и не привыкших за годы своего терпеливого соседства к беспокойным гостям жилья из крайней комнаты. Юмор никогда не покидал его, и в тот раз, помнится, в голове мелькнуло вполне здравое соображение, что присутствие Таниной мамочки пришлось бы очень кстати, но исключительно для того, чтобы помочь ему самому выбраться из поистине стальных тисков ее дочери.

Да, много чего повидала, но еще больше наслушалась та старая арбатская коммунальная квартира, в конце длинного коридора которой в двух комнатах с роялем проживала со своей

полуглухой, на ее же счастье, теткой – Бетховен, говорят, ей еще кланялся! – некая подраставшая соплюха Ирка Фроловская. Уж она, конечно, прослушала всю программу – слух-то, чай, музыкальный! Подрастала, передового опыта наверняка набиралась, пока... Но это уже другая история – о том, как Фроловская однажды стала Турецкой. И вероятно, ничего не забыла, хотя и делала вид, что смирилась с прошлым: мол, кто старое помянет, тому... и так далее.

Ну а с Таней вышло по принципу: если, как давно замечено, не бывает худа без добра, то есть какая-то закономерность и в том, что ситуация нередко складывается с точностью до наоборот. Короче говоря, Турецкий стал первым и, вероятно, единственным, пусть уже и не самым посторонним для Тани человеком, кого она посвятила в свою сокровенную тайну. А предметом ее безумной любви – неплохое, однако же, признание посреди бурной ночи! – оказался сокурсник Сергей Монахов. У того же, как знал, естественно, от Сережки, своего друга, Саша, в это время вовсю развивался роман с Наташкой, девушкой блонд с третьего курса. Вот же напасть!

Танино признание было абсолютно искренним, со слезами, почти истерикой. Да, действительно та еще ситуация! Наиболее, конечно, пикантным во всей этой истории было то, что Александр искренне не понимал, чем он еще, кроме уже содеянного с большим, надо отметить, удовольствием, мог бы помочь, ну, условно говоря, девушке в ее немислимых душевных страданиях. Он... растерялся. Закономерно возник вопрос: «А как же... это?» Он имел в виду себя, все еще пребывающего в объятиях более чем странной любовницы – так он предполагал на будущее. На что она, отрывав и успокоившись, отпустила его наконец и рассудительным тоном ответила: «А разве я тебя чем-нибудь обидела? Или оскорбила, унизила? По-моему, наоборот, ты удовлетворен, и я с тобой получила потрясающее физическое наслаждение. Если хочешь еще, пожалуйста, мне тоже очень приятно».

А вот как раз «это» ее волновало меньше всего: как говорится, мухи и котлеты пусть будут отдельно. Ну, переспали, удовлетворили свою пылкую страсть, это вполне нормально, но к истинной, высокой любви отношения не имеет. Тем более к такому чувству, которое она испытывает к Сереже! И что оставалось делать Турецкому? Перетаскивать даже самую приятную часть груза, предназначенного Монахову, на свои плечи он не собирался, да Танечка, умница такая, этого варианта, оказывается, и не предлагала, слава богу. Она была уверена, что Сашка, именно потому, что он близкий друг Сережи, поймет ее правильно и никогда не предаст. Она думала уже об этом и только потому приняла сегодня... нет, вчера вечером его приглашение пойти с ним в кино. И даже заранее предвидела, как будут развиваться у них с Сашей события. Ну, надо же! Расскажи кому, нипочем не поверит...

Она долго объясняла ему про себя в ту ночь. Рассказала, как уже давно и четко отделила главное в своей жизни от второстепенного, ну, те же котлеты от мух, и что основное у нее теперь – это Сережа и ее собственное будущее, мыслимое исключительно рядом с ним. А еще Турецкий убедился, что пылкая девушка, избрав его поверенным в своих чувствах столь необычным образом, или способом, действительно искренне рассчитывала на его заинтересованную, дружескую помощь. Одним словом, уговори его, сделай что хочешь, но уговори, объясни... «А об этом, – возвращалась она к его по-прежнему недоуменному вопросу, – Сереже категорически не следует знать!» Зачем же, признаваясь, к примеру, в любви, описывать при этом естественные функции организма? А ведь логично, черт побери! Умная, хм... девушка!

Да, необычным, мягко говоря, было ее признание. Но Александр тогда же не стал записывать свои соображения по этому поводу и ее речи в начинавшийся дневник, как-то показалось не очень удобным. Перед собой, разумеется.

А вот ее просьбу он выполнил и с Сережкой поговорил. Тоже прелюбопытный состоялся разговор.

Монахов ужаснулся. Как, и эта?! Оказывается, ему уже несколько сокурсниц сделали лестные предложения, догадываясь, что Сергей наверняка при распределении останется в

Москве, поскольку его папу, красноярского прокурора, переводят на работу в столицу. Слухи распространялись с чудовищной скоростью. Значит, теперь еще и Танька на шею вешается!

Но Турецкий не верил почему-то, что именно она тоже. Интуиция подсказывала другое. В конце концов, уж сам-то он, Турок, – москвич! Чем не партия? В том-то и дело, что для Таньки целью была не Москва, не карьера, а сам Сережка. Другое дело, что средства достижения были у нее более чем странными, но она же умоляла Сашку сохранить все в тайне. И верила, между прочим, в то, что это возможно, что он именно тот человек, которому она могла полностью довериться.

Сергей был скептиком, но не дураком. И уже сам факт того, что роль гонца поручена Сашке, не мог не вызвать у него подозрения. Но Турецкий был тверд. И Сергей сдался, не стал прижимать дружка к стенке, зато предложил ему, поскольку так уж вышло, самому взять на себя роль утешителя. У Турка получится, был уверен он. И никаких обид. «Ну, сам подумай, на кой хрен мне еще и эти вериги?!»

Наверное, Александр так бы и поступил, если бы мог предугадать, чем закончится это дело. Но не угадал. Да и сам несерьезно к этой истории отнесся. И разговаривал с Таней, пытаясь в шутилой, дружеской, почти интимной форме как-то успокоить ее, уговаривал поискать другой объект внимания, более достойный, что ли, чем этот прохиндей Монахов, у которого одни девки на уме. Про себя бы так Александр Борисович, конечно, ни тогда, ни после не сказал. Не захотел, да и повода не видел. А вот Таню он так и не сумел ни в чем убедить. Она и поверила, и... не поверила ему, сама позже неоднократно уединялась с Сережкой. О чем они там говорили, неизвестно, но Монахов ходил какое-то время смурной и на Сашкины вопросы отделивался неопределенным пожатием плеч, недовольно кривил лицо, словно сосал лимон. И вообще, вид имел несколько растерянный.

Закончилось все неожиданно и трагически. Однажды рано утром Таню нашли в туалете общежития. Она висела в веревочной петле, укрепленной на угловом изгибе трубы водяного отопления. Ни записки, никакого иного объяснения после нее не осталось. Да следствие особо и не вели, потому что в чемодане Тани обнаружили солидный запас снотворных таблеток. Ну, теперь понятное дело! Для кого держала-то? Конечно, для себя, недаром некоторые подруги называли ее заторможенной. А другие утверждали, что никто не видел, чтобы Таня пила какие-нибудь лекарственные препараты. Но мало ли, что они говорили!..

И вот тогда Турецкий вспомнил и записал кое-что из их немногих разговоров с Таней. Все о том же, о любви, разумеется.

«...Я способна от любви к человеку сделать все что угодно. Любое, что могут назвать даже безумством. Прикажет: кинься вниз головой – брошусь не раздумывая. Это не сумасшествие, просто я – такая. Если люблю – все! Танком не сдвинешь! Убить можешь, а я не отступлюсь...»

Такое было признание... И это не ребенок говорил, неопытный в жизни. Не наивная девушка, она ж незадолго перед этим в буквальном смысле изумила Турецкого своим огненным темпераментом, причем самоотрешенным до такой степени, что, казалось, ею руководили какие-то посторонние силы, которым она слепо подчинялась, и в своих действиях потому не видела никакого греха. Или еще фраза:

«...Когда я перестану любить, я пойму, что жизнь закончена, и прекращу пустое существование...»

А вот и его первая собственная реакция на то жуткое «прекращение»:

«Что это? Она действительно заранее все уже знала? Она была запрограммирована, что ли, на любовь, и только на любовь? Но так же не бывает! Люди – живые, меняющиеся. Как и те обстоятельства, в которых они находятся... Неужели все-таки бывает?...»

Да, вспомнил он теперь, потрясение было просто невероятным...

Его и Сережку вызывал следователь, допрашивал. Сказали правду. Да, была влюблена, нет, не ссорились. Все было мирно, спокойно. Не мог же Турецкий сознаться себе в том, что

должен был бы предвидеть такой финал, если бы всерьез задумался о сказанном Таней. Но он же не стал морочить себе голову...

Мог бы, в конце концов, во спасение светлой души послушаться Сережку и влюбить в себя Таньку. Трудно, что ли? Так даже если и трудно, и сама задача увлекательней! И вовсе необязательно было «влюблять» навсегда, пусть хотя бы на какое-то время, а там оно само и подсказало бы выход. Ведь мог, и еще как! Если бы только захотел. Но... пожал плечами, мол, сами смотрите, ребята, делайте, что хотите. Я свое получил, извините, я пошел...

Сколько раз в жизни, потом уже, он подходил к пониманию того, что сумел бы многое изменить в лучшую сторону, если бы... Ах, если бы хоть раз действительно сделал попытку... Реальную, а не на словах. Или в мыслях...

Как они обожали, выходя из стен альма-матер, «зрело» обсуждать всякие психологические загадки, неординарные ситуации, неожиданные повороты при разрешении жизненных конфликтов, следственные тайны! Какими мнили себя великими знатоками человеческой сущности, всяческих заблуждений и фобий! Ну да, все та же самая «иллюзия понимания».

И почему именно сейчас, когда возникло это мелкое, в сущности, дело с Юлией Осиповой, – просто как некая загадка, разрешить которую будет, скорее всего, не очень трудно, – что-то вдруг неладное стало происходить с интуицией, которой он привык доверять? Главное, с чего бы? Откуда беспокойство?

Не проще ли пойти да спросить у самой девушки? Спросить элементарно: «Послушай, объясни, что с тобой происходит? Ты умная, красивая... Ну, конечно, для родителей их дети всегда самые-самые! А мы, старики, народ битый и знаем такое, о чем тебе, милая, не дай бог и догадываться. Так ответь, как другу!» Вот и все проблемы. Что, нужные слова разве не найдутся?

А если б они тогда нашлись? Когда он именно с дружеской улыбочкой смотрел в огромные, отчаянные глаза Тани? Что ж промолчал-то, если знал такие слова? Почему предпочел шуткой отделаться?... Ах, ну да, нам же неудобно...

Александр Борисович услышал в прихожей звук открывающейся двери. Закрыв тетрадку, сунул ее в письменный стол, где в глубине тумбы был вмонтирован сейф. Там хранился пистолет, который ему, несмотря на досрочный, вынужденный «пенсион», все-таки, как еще хранителю некоторых, оказывается, существующих государственных тайн, оставили на предмет самозащиты, и запер ящик. Сюда Ирка не имела права лазать. Нинка – тем более. И никто, ни один человек на свете, так и не узнал истинной подоплеку этой горькой истории.

«Нет, что-то здесь есть, – подумал он, поднимаясь, чтобы узнать, кто пришел, и помочь, если надо. – Человек вообще загадка. А молодая женщина тем более».

– Что новенького, Шурик? – спросила Ирина, когда он вышел в прихожую, чтобы принять у нее сумки. – Чего хмуришься, милый? Ребята наши еще не звонили? А ты чем занят?

Вон сколько вопросов сразу! Он попытался усмехнуться.

– Ты не поверишь, Ирка. Сидел и думал...

– Почему ж не поверю? Я вот ехала и тоже размышляла. И, знаешь, пришла к мысли, что, может быть, мне стоило бы поехать к ним в гости. Посидеть, поболтать, познакомиться с этой Юлей. Найти какую-нибудь тему, а? Не стоит, как считаешь? Пошупать, так сказать, ее психику, а, Шурик?

– Ты у меня умница, – улыбнулся он. – Я тоже именно об этом думал. Вот видишь, мысли сходятся, значит, в этой идее что-то есть. Давай подождем от ребят первых результатов, обсудим и решим окончательно. Непокорно мне почему-то. Обычно так не бывает. Во всяком случае, не помню, чтоб такое же ощущение... бессилия, что ли... какой-то ошибки – тревожило. Давно не было. Да и сейчас никаких причин пока вроде нет.

– Как знать, – задумчиво ответила Ирина, передавая ему тяжелые целлофановые пакеты. – Ну, пойдем на кухню. Я вам с Нинкой много вкусенького привезла...

Глава третья

Первое знакомство

1

Такого странного, чудного задания Филипп Кузьмич Агеев, а попросту Филя, переваливший на пятый десяток, опытный и высококлассный опер – из того же, головановского спецназа, до сих пор еще не получал. Следить за девушкой. Просто наблюдать, куда она едет и с кем встречается. Чтобы потом проверить ее связи и знакомства. Отделить опасные от случайных. А кто их знает, какие они? И главное, ради чего это все?

А, оказывается, ради того, чтобы... Вернее, по той причине, что ученый дедушка не может никак найти общего языка со своей внучкой. Спросить не может, та не хочет разговаривать. Вот такое дело, понимаешь... И что требуется выяснить? А почему внучка не хочет разговаривать. Совсем не хочет? А с ремнем в руке не пробовали спрашивать? Ах, уже почти взрослая внучка? Даже самостоятельно работает? Что, и большие деньги зарабатывает?! В самом деле?! Тогда на кой хрен ей с кем-то разговаривать, собственными головами подумайте!..

Филя сидел в машине, ожидая, когда Юлия Семеновна выйдет из офиса рекламного агентства, где она работает в должности дизайнера, сядет в нехилую по нынешним временам трехдверную «тойоту» и куда-то отправится. Вот тогда Филя и последует за ней на своей не приметной, потрепанной серой «девятке». Теперь же он сидел, смотрел на стеклянную, в кованых железных узорах, дверь офиса, за которой маячила туманная фигура охранника, и натурально заводил себя. Зачем? А просто от нечего делать. От тоски безделья.

Справа от двери висела большая вывеска с названием заведения: «Рекламное агентство „КОМЕТА+“». Ниже два крупных, написанных золотыми буквами слова: „креатив“ и „дизайн“. А под ними – уже мелко, но Филя мог и отсюда, из машины, прочитать объясняющий профиль агентства текст: „Рекламная полиграфия и сувениры. Фото. Реклама в Москве и регионах. Кампании на ТВ. Наружная реклама“. Ну что такое дизайн, понятно. А по поводу „креатива“ пришлось звонить в контору Голованову. Сева объяснил, что это слово обозначает всякие новации. Поинтересовался, какие новости, мол, Турецкий спрашивал. Там у него с супругой дома какие-то идеи вроде бы появились.

Был у Агеева один знакомый, еще из тех, что вернулись живыми с той, главной войны двадцатого века. В его военном билете – Филя сам видел – в графе «Воинская специальность» было написано: диверсии, одиночные убийства. Скромненько так, шутки военного времени. Так вот, он рассказывал, как его отправили через линию фронта в один из городов оккупированной Украины, чтобы убрать какого-то очередного гауляйтера. Две недели сроку определили. Ну и что? А он говорил: «Да что я, садист, что ли, две недели его убивать? Пришел, огляделся, в одном из дворов доску в заборе выломал. И наутро прямо на улице вышел навстречу этому гауляйтеру и выпустил в того из парабеллума пол-обоймы. А ушел от погони через ту дыру в заборе». Вот и вся акция. Тоже шутка? Да нет же, уверял, чистой воды правда.

Филя сейчас представлял себя в роли того мужика, которому поручили убивать две недели, когда можно все сделать за пять минут, и действительно чувствовал себя истинным садистом. Но... может, у Борисыча действительно сносная идея появилась, чтоб не сидеть тут попусту и не выглядеть, как полный дурак?.. Он усмехнулся: обязательно найдется в такой ситуации «друг», который язвительно спросит: «А почему – как?»

Он, когда только подъехал и увидел, что синяя «тойота» уже на месте, – о марке и номере машины позаботился выяснить Турецкий, – сразу же отправился «посмотреть» ее. И, уходя,

оставил на днище, со стороны правой дверцы маленькую такую шайбочку на магнитной присоске. Щелк – и прилепилась! И теперь он мог бы даже немного покемарить, изображая «трудягу-водилу», уставшего дожидаться своего хозяина. Все равно, когда девица сядет в свою машину и откроет рот, он с ходу это услышит. Надо отдать должное покойному, земля ему пухом, директору Денису Андреичу, светлая голова, – уж техникой всяческой он сумел своих «орлов» обеспечить по край жизни...

Заканчивая разговор с Севой, Агеев не преминул спросить, не имел ли желания мэтр Турецкий поделиться своими высокими замыслами с коллегой, изображающим элементарного «топтуна», а то очень скучно так работать. Голованов засмеялся и ответил: «Терпи, казак, может, зачтется...» Вот это «может» больше всего и раздражало. Тогда он предложил иной вариант: пойти в это чертово агентство «с плюсом» и попробовать устроиться к ним на работу. Да хоть курьером! Письма разносить по клиентам. Или всякие там «ролтоны», «дошираки», чизбургеры с гамбургерами – всю ту сухомятку, которую он совершенно искренне и на дух не переносил, таскать сотрудникам на ланч! Жрут полуфабрикаты из пластмассовых упаковок, и это у них теперь ланчем называется! Сейчас бы мисочку, да поглубже, наваристого, со сметанкой, борща... Нет, Сева сказал, что и такой подход отменяется. И Филипп чертыхнулся, плюнул и закрыл глаза, приготовившись к покорному продолжению несения службы, – за что ж должны ему все-таки деньги платить...

И вот наконец удостоился, терпение было вознаграждено. Он услышал хлопок автомобильной дверцы в улитке, вставленной в ухо. Открыл глаза, увидел силуэт головы через заднее стекло «тойоты». Машина, чуть ли не прыжком с места, рванула вперед и быстро влилась в поток машин, следующих в центр города. Ну, от Фили еще никто безнаказанно не уходил. Не уйдет и эта «свиристелка с плюсом». На часах было пять вечера.

Девица катила быстро, как нынче гоняют все молодые, севшие за руль иномарок. Женщины еще как-то следят за правилами, хотя тоже далеко не все, а мальчишки, те вовсе одурели, носятся словно угорелые, да на таких тачках, что оторопь берет – не задеть бы ненароком, квартиру продавать придется, иначе и не рассчитаешься. Бог миловал, конечно, но, чувствовал Фили, и у того тоже кончалось терпение, вот поэтому и приходилось быть вдвойне осторожным. Хотя на свое мастерство вождения Агеев не жаловался, но отчетливо видел, что добрый танк, или, на худой конец, БТР водить ему было бы куда спокойней.

Транспортная артерия Нижегородской улицы, где неподалеку от кинотеатра «Рубин» находилось агентство, до самого Садового кольца, у метро «Марксистская», была даже не загружена, а перезагружена. Но чертова девка как-то ухитрилась на своей синей блохе нырять во все дырки, которые образовывались на ее пути, и медленно, но верно удалялась от Агеева. Ну да, наглость плюс молодой задор, теперь ясно, почему у них на вывеске плюс нарисован. Однако, если упустишь ее здесь, дальше не нагонишь, неизвестно же, куда она потом нырнет! И Филипп, предпринимая, подобно ей, рискованные маневры, едва ли не распахивая своими потертыми боками сжимавших его с обеих сторон лакированных, сияющих от собственного величия, нахальных «джипов», рвался буквально из последних сил. И ведь уступали дорогу! Понимали, что ему, в конечном счете, терять нечего, а им было чем рисковать. И в данном случае его выручала не смелость или находчивость, именуемая по-житейски смекалкой, а то, что в обществе с некоторых пор стало именоваться термином «понятие», с оттенком бандитского в некотором роде происхождения. Именно «девятки» в отмеченные резким ростом преступной деятельности в России девяностые годы стали, как позже и «бумеры», расхожими автомобилями криминальной братвы, торопящейся на свои бесконечные стрелки и разборки. И иной водитель, особенно крутой тачки, либо обыватель, движимый уже безусловным рефлексом ощущения опасности, торопился уступить дорогу. Не дай бог! Как говорится, время уже проходит, но привычки по известным понятиям никуда не исчезли. Вот, получается, и Фили был, что называется, полностью «в теме».

И ведь прорвался-таки. Догнал почти у самого метро, на Таганке. Но тут непредсказуемая девица шмыгнула к обочине и резко затормозила у бордюра тротуара. И замерла без движения напротив табачного киоска. За сигаретами, что ли? Нет.

Филя ждал ее дальнейших действий, но та ничего не предпринимала, сидела молча. Радио в машине тоже не работало, обычно женщины за рулем любят, когда в салоне все грохочет от музыки, – кайф такой от этого. А у этой стояла подозрительная тишина. Он ждал, а потом захотел уже выйти, чтобы посмотреть, жива ли она там. Уж больно подозрительно как-то все. Но тут, – он сперва и не обратил внимания, – неизвестно откуда, словно с неба, спикировала девица – яркая блондинка на высоченных каблуках, в короткой маечке и фирменных не то трусах, не то голубых шортиках с кружевами по низу. Одежда ей была явно коротка, но, наверное, такая мода сейчас, чтоб был обязательно оголен пупок и верхняя половина круглой, аппетитной попки, вот как у этой. Низко согнувшись, так что ягодички едва не вывалились поверх ремня, девица сунула голову в окно, а потом кинула большую сумку на заднее сиденье, а сама ловко юркнула на переднее. И машина, снова рывком, как шальная, ринулась в транспортный поток, по Садовому вниз, в сторону трех вокзалов.

– Господи! – вслух выдавил из себя Филя и едва не выругался, да по-черному, но вовремя вспомнил про Бога.

Теперь, во избежание возможных осложнений, он привязался поближе к объекту. Из приемника неслись какие-то непонятные звуки, напоминающие самый натуральный птичий щебет, как в зоопарке возле клетки, где их сотни. Наконец Агеев сообразил, что это подружки так беседуют, говоря одновременно и не слушая друг дружку, словно перекликающиеся волнистые попугайчики. И, кроме того, у них в салоне что-то стучит, словно по полу катаются две пустые бутылки и все время стучаются. Черт знает что...

Но в конце концов Филипп стал понемногу вникать в суть беседы. Речь шла о каком-то художнике. Мелькнуло имя какого-то Марика, потом прозвучала фамилия Хлебников, то ли Степан, то ли Степаныч. Словом, уже догадался Филя, они наверняка ехали к нему в мастерскую. И это уже было что-то.

Потом девицы вроде бы немного успокоились, перестали щебетать и перебивать друг друга и заговорили медленнее. Теперь их можно было хотя бы различать по голосам.

– Ну и как этот твой? – спросила одна.

– У него-то все отлично. Но сообщает, что работы много. Оно и понятно, лето, самый сезон, наплыв туристов. Как только немного разгрузится, обещает сразу приехать, чтобы закрепить знакомство. Но об этом у нас будет еще отдельный разговор.

– А когда?

– Да вроде бы уже приближаемся. Пора, думаю, помещение подыскивать. Домой же не поведешь! Предки сожрут. Но теперь, в этой ситуации, я даже и представить себе не могу, как с этими быть... А у тебя-то что, подруга?

– Примерно та же картина. С родителями. А у моего сейчас тоже самая работа. Лето, пожароопасность, говорит, постоянная. Да у них что-то вообще горит круглый год, ужас! А появиться он сможет только на день-два, не больше, и то если еще начальство отпустит. У них же с такими вещами очень строго...

– Да-а, подруга, – посочувствовала собеседница. – Ну и как он?

– В смысле?

– Ну, смотрит-то хоть с оптимизмом? Не пустышку тянешь?

– А ты что, тоже в своем так уж сильно уверена, да?

– Понимаешь, – протянула девушка, – очень хочется быть уверенной. Потому что он такое пишет, что у бедной девушки... – Она понизила голос.

Филя машинально вслушался, уставившись в приемник, и вздрогнул от резкого сигнала клаксона – он, оказывается, едва не задел джип, который почти навалился на него слева. Филя

послал соседа вслух, выровнял машину и услышал из приемника дружный смех. Ну, ничего сверхсекретного, наверное, можно будет потом еще разок послушать и выяснить, что же такое пикантное происходит у девушки, когда она получает послания своего кавалера.

– Слушай, а может, нам где-нибудь снять на двоих, а? И по очереди пользоваться? Как?

– Ну, конечно... Но, я думаю, даже захудалая «однушка» нам обойдется баксов в четыреста за месяц. И не в центре, разумеется. И не на Кутузовском, а где-нибудь за «Молодежной», на выселках. Но, в принципе, это не страшно, а если раскидать на двоих, то может получиться вполне терпимо.

– Но ведь не забывай, подруга, они же и сами, надо думать, не пустые прилетят. Так что на какие-то финансы рассчитывать можно. Хотя меня сейчас эта проблема особо не мучает, заказы хорошие пошли, поднакопилось кое-что...

– Тебе легче, а у меня совсем туго... Кстати, уж не хочешь ли дать в долг?.. – В разговоре повисла пауза. И та же девушка хмыкнула: – Ладно, не бери в голову, я ведь пошутила.

– А ты будто не знаешь, как я их заработала?.. Ну, чего молчишь? А этот, между прочим, снова интересовался. Так что сама смотри. Но тут я тебе не советчица.

– Противно...

– Ага, а подруге, значит, не противно? Тоже мне чистюля! Когда в последний раз-то в девушках бегала?

– Да ладно тебе!..

– Я сказала, а ты как хочешь. Но он просто так не даст. Не тот человек. Впрочем, попробуй. Вдруг повезет. Только не завязни...

– Я знаю, можешь не продолжать. А потом, как у нас говорят, одна разок попробовала...

– Ну, у вас-то все известно! Небось, еще с первого курса?

И обе снова рассмеялись.

– Ладно, – сказала та же девушка, отсмеявшись, – если тебе совсем уже горло перехватит, можешь, конечно, рассчитывать. Но много не дам. Вот только из чего отдавать будешь...

– Как подумаю про эту тягомотину, сколько мне еще тянуть лямку, прямо в холодный пот бросает. Ты не представляешь, что такое эти наши подработки! Ужас!

– У тебя, подруга, все ужас. А вот меня сейчас совсем другая проблема за горло держит...

– Какая именно?

– А ты сама, что ли, не понимаешь? – почти сердито выкрикнула девушка. – Не знаю, когда все эти проклятые заказы закончатся?! Думать боюсь! Одни обещания... А я больше так не могу! И что я... ему скажу?!

– Не кричи, – сухо ответила вторая, – я не глухая. Не отдает?

– Я ж говорю, только обещает. Тянет, сволочь поганая...

– Кстати, ни в чем признаваться тебе совсем необязательно. Другой вопрос, как сделать, чтоб эти отстали... Я подумала, что, может быть, наших ребят из общаги попросить, но... Ненадежно.

– Тут надо как-то иначе, а как, я не знаю, и спросить некого. Стенка!

– Ладно, давай пока отложим вопрос. Не может быть, чтобы мы да не нашли выход!

– Ох, спасибо, Наташка, утешила, – горько усмехнулась вторая девушка. И, стало быть, Юлька...

«Ну вот, наконец! – облегченно вздохнул Филя. – Запись есть, теперь откатать пленку назад и раскидать фразы по фигурантам, кто о чем говорил. Тут тебе и словесные портреты, и все их заботы...»

Значит, у девочек серьезные проблемы. Но связаны не со служебной деятельностью, потому что иначе они бы только эту тему и обсуждали, а с некими кавалерами, которые, надо понимать, откуда-то должны вскорости сюда, к ним, прилететь и с которыми девицы собираются встретиться. Причем встретиться не у себя дома, а на съемной квартире. И для чего, тоже

очень даже понятно. Секс им головки кружит... Жарко, попки уже давно наружу, как навязчивая реклама... В России же без рекламы теперь и презерватива не купишь. Но это у них те проблемы, что лежат наверху. То, чего не понимают старики. Забыли про известные парадоксы своей юности, как в том анекдоте, где папа с мамой – академики, а дочь – проститутка. Недаром же говорится, что все возвращается на круги своя. Вон те еще не прилетели, а у этих уже портки спадают от желания... Но что-то сильно им мешает. Или кто-то? Им же помощь нужна, это ясно. То есть они нуждаются в защите от кого-то. Даже к знакомым ребятам из общаги готовы обратиться. Но побаиваются. Точно, влипли, хохотушки!.. Кто-то умный ловко их подцепил на крючок. Ну, может, не обоих, но Юлька зависла, это точно, а теперь и Наташку так и притягивает сладкая, видать, прикормка. И название той прикормки – денежки, которые легко поначалу зарабатываются. Да, только поначалу, а потом пойдут «заказы» на тебя, и начнешь стонать: я больше не могу. Но это уже никого не станет интересовать. Вечная истина...

Однако после всего того, что Турецкий рассказывал в «Глории» о семействе Осиповых, у Фили пока все-таки не складывалось впечатление, что в данном случае мог иметь место самый обыкновенный и примитивный вариант натурального, сутенерского шантажа. Возможно, девочка действительно прокололась на чем-то и зависла, и добрый дяденька, мягко говоря, употребляет ее и угрожает каким-то разоблачением в случае отказа, например. А тут еще любовь-морковь, ну и так далее. Нет, наверное, дело серьезнее, она ж произнесла слово «заказ», а это – сутенерство в чистом виде...

«А девочки-то хороши, – хмыкнул Филия, вспомнив, как отреагировала его „чуйственность“, когда из штанов только что не выскочили нахальные ягодицы этой рослой блондинки Наташки. – Неясно только, чем она занимается. И что у нее за тяготины такая, при которой еще требуются дополнительные подработки, притом что денег все равно не хватает? Ей же ведь наверняка столько лет, сколько и Юлии, – двадцать три. Может, студентка? Тогда сходится. Медичка, например, которая „все знает“? Самый тот возраст, когда они торопятся поскорей все испытать. Особенно если уже состоялось первое, неудачное замужество... Жадные, однако, кобылки!...»

Филипп одернул себя: чего это он? Жара, что ли, так подействовала? Или злость после долгого ожидания? Не годится... Да и те почему-то замолчали. Неужто все успели обговорить? А проблемы-то у них, если он сделал верные выводы, действительно серьезные...

Приехали они на Масловку, к дому, в котором размещались мастерские художников, знал об этом Агеев. Тут их несколько, многоэтажных, довоенной еще постройки, зданий. Говорят, что с крыш хорошо видно игровое футбольное поле стадиона «Динамо» и местный народ в послевоенные годы, когда именно на «Динамо» и проходили все главные футбольные матчи, никогда не покупал билетов, просто болельщики вылезали на крыши... Ну а выяснить теперь про Хлебникова, если таковой здесь обитает, проще пареной репы. Одного телефонного звонка достаточно.

Девушки вышли из машины. Филипп, проехав вперед, наблюдал за ними в зеркальце заднего обзора. И теперь наконец разглядел обеих хорошо. Ничего не скажешь, красивые обе, словно манекенщицы, но не щепки, как те, а при таких фигурах, на какие не грех и крупно потратиться. Юлия, в ослепительно-белых, туго обтягивающих ее бедра джинсах, завернутых до колен, оказалась яркой брюнеткой, в отличие от подруги, – обожают они, это известно, такие контрасты! Она заперла машину, и обе девушки, цокая каблуками, заторопились ко второму подъезду. Черт подери, а действительно картинка впечатляющая! Да кто ж устоит-то?! Ну и ну...

Итак, первый акт пьесы. Занавес. Можно докладывать и решать, что делать дальше.

Вообще-то хорошо бы как-нибудь исхитриться да сунуть в сумочки им обоим по «жучку». Но это все еще продумывать надо. И потом, неизвестно, зачем они сюда приехали и когда теперь освободятся. И от чего, кстати, освободятся, – это тоже очень большой вопрос.

А к слову, зачем такого рода девицы, да еще вызывающе одетые, ездят в мастерские художников в конце рабочего дня? Кажется, смешной вопрос. Вот то-то и оно. Да еще и торопятся, будто опаздывают к чему-то значительному. И когда у них внутри еще и кипит все – от ожидания? Думай, Филя...

Но Голованов на сообщение Филиппа отреагировал без шуток. Прекрасно, заметил он, одна точка уже есть. Теперь надо постараться выяснить относительно второй девицы: кто, что, откуда, где живет, чем занимается, кроме как ходит с полуголой... этой самой? Раздваиваться Филе не надо, но можно предположить, что если они обе задержатся у художника надолго, то они и обратно вместе отправятся. Тогда Юлия наверняка захочет подбросить подругу к ней домой. Где она сама живет, известно. На Кутузовском, туда можно просто кому-нибудь из «Глории» подъехать и зафиксировать ее возвращение. А подруга в данный момент может оказаться гораздо полезней как источник информации. Значит, за ней и придется прокатиться. Если она, скажем, пересядет в такси. Хуже, если в метро, но ничего не поделаешь, придется садиться «на хвост».

Насчет такси Филя возразил. Судя по их разговору, с денежкой у нее сейчас туговато и с перспективами не очень ладно. Так что в ожидании своего приятеля вряд ли она станет бездумно тратиться.

Короче говоря, Голованов предоставил Филиппу самому решить этот вопрос. А что касается Юлии, то тут может попросить подстраховать, в конце концов, Александра Борисовича, его же инициатива. А пока сиди и жди.

И Филя расслабился и даже прилег, чуть приспустив стекло, – жарко. «Жучок» сработает, когда те появятся. А перед закрытыми глазами все посверкивали бронзовые изделия слишком щедрой, черт возьми, природы...

Он хмыкнул: надо же, прямо по анекдоту! Был такой, солдатский, как сладкий сон в казарме, перед подъемом. Едут двое солдатиков, курят себе в тамбуре. И тут появляется с сигареткой в пальчиках вот такая блондиночка, бронзовая вся из себя, сверкающая. Курит и на них глазками посверкивает. И тут не выдерживает солдатская душа, шепчет один другому: «Не, ты глянь, какая богиня, а?! И ведь кто-то ж ее... а?» А она услышала и смеется: «Такой же, – говорит, – му... как ты, понял, солдатик, а?» Вот она – «жизня сучья», как выразился знаменитый советский классик.

2

Дальнейшие события показали Филиппу Агееву, насколько нормальный мужик, правильно понимающий в жизни, независимо от своего возраста, – а то все – старики молодых не понимают! – способен делать верные выводы. И первый же из них не радовал.

Освободились девушки в начале десятого вечера. Что они делали в мастерской художника три часа? Можно только предполагать. А предполагать между тем было что. Ко второму подъезду за то время, пока Филя развернулся и ждал, одна за другой подъехали две иномарки – «мерседес» и джип «мицубиси». Вышли двое мужчин, кивнули друг другу, как знакомые, и ушли в подъезд, видимо, здесь не новички. А затем подкатило с разницей в десять—пятнадцать минут еще несколько машин, выходили по одному, по два и шли в подъезд. Можно было подумать, что здесь собирается некое общество. И это не компания близких или просто знакомых людей, все они, за исключением двух первых, не здоровались, не кивали друг другу, не пожимали руки, а молча исчезали в подъезде. Даже и в прибывших парах мужчины и женщины были как-то странно обособлены, словно каждый сам по себе. Поэтому и не компания, собравшаяся что-то отпраздновать или выпить с устатку, и наверняка не торжественное собрание, хотя все одеты были с определенным щегольством. Или желанием выгодно подчеркнуть

себя, свои достоинства. Смотрины? А что, тут любое может быть. И светский раут. И фирма знакомств. И кстати, комнаты для свиданий, о чем уже думал и докладывал Севе Филипп. Но ведь и парами в бордель не ходят. Хотя сегодня? И если подумать?..

Нет, что-то другое. Бывал Филипп когда-то у художника и прекрасно помнил, что там, у него, и развернуться негде! Всюду эти – станки, – как их? – мольберты, рамы с полотнами, груды этюдов всяких вдоль стен. А тут такая публика! Черт их разберет, современных художников. Чем занимаются?..

Девчонки, к слову, одеты были никак не для торжественных случаев, а совсем с другой целью, так сказал бы со всей ответственностью знающий истинный толк в женщинах Филипп Кузьмич. Правда, он всегда отдавал предпочтение дамам в возрасте между тридцатью с небольшим и сорока пятью годами. Те знают, чего хотят, умеют себя подать и всегда бывают благодарными. А эти – одно слово: свиристелки. Хотя мужики в возрасте почему-то предпочитают именно их. Ну да, молодость, каждый, наверное, считает, что связью с такой вот девицей он как бы утверждает себя. Зря считает, каждому возрасту все-таки положено своё...

А к предположению о роде занятий девиц склоняли отдельные фразы в их разговоре. Ну, одной, понятно, денег надо – занять ли, заработать, – это еще неясно. Как нельзя пока с уверенностью сказать о способе заработка. А другой, видишь ли, «заказы» опротивели. «Заказы» на что? – снова задался вопросом Филя. И ответил себе: на то самое, что поначалу, наверное, очень нравилось молодой, красивой и даже эффектной девушке из хорошей семьи, воспитанной в строгости и уважении к старшим, а затем действительно опротивело, поскольку эти самые старшие показали ей истинный смысл своего интереса к ее замечательным женским достоинствам. И ничего тут больше не добавишь. Так было во все времена и так получается сейчас...

А что, может, они тут и в самом деле какой-нибудь крутой притон организовали для посвященных? Для узкого круга? Со стриптизом и дальнейшими увеселениями? Типа тонких наркотиков, соответствующего антуража, кальянов там и прочих радостей восточных гаремов? Но ведь это невозможно по одной простой причине!

В этих домах – коридорная система, стены, конечно, добротные – другой разговор, но слышимость-то все равно российская! И что же, все мастерские разом сдаются под это дело? Или бордель организован только в одной? Но куда тогда соседи смотрят? А художники – народ завистливый, беспокойный... Словом, круг вопросов замкнулся. И окончательный ответ, пришел к выводу Филя, станет известен лишь тогда, когда девицы покажутся наконец и отправятся по домам или куда-нибудь еще. Прошедшие только что события, как правило, обсуждаются, кто-то хвастается удачей, кто-то выносит себе приговор – обычное дело...

Стало уже темнеть, есть хотелось, но Филипп терпел. Ситуация не менялась. Зря, конечно, надо было воспользоваться паузой и перехватить чего-нибудь, а теперь уже поздно.

Первыми снова появились те двое из «мерина» и джипа. И так же, кивками, простились и сели в машины. А потом потянулись остальные. Наконец, когда Филя решил было, что каким-то совершенно непонятным образом проглядел своих подопечных, те появились.

Выглядели они так же, как и днем, бодренькими, свежими. Молодость, конечно, с завистью подумал Филя. А что он, в самом деле, был разве уверен, что появятся истасканные, заморенные и загнанные лошади, типа тех, кого пристреливают за ненадобностью?

Филипп уже собрался трогаться, когда из второго подъезда выскочил быстренький такой мужичок невысокого роста, кажется, он был одним из «гостей». Тот кинулся к своей машине и вырулил за девицами, чуть приотстав от них. Ситуация становилась интересной.

В «тойоте» молчали: как уселись и тронулись, так и не произнесли ни слова. Мужичок не отставал, но и не перегонял «японку», а Филя решил, что самое время связаться с Севой. Положение обрисовал, что называется, на пальцах. «Хвост» мог «повиснуть» за любой из девиц. Значит, тем более необходима поддержка. И Сева сказал, что немедленно перезвонит Турецкому, так как тот ближе всех остальных к дому на Кутузовском, где и встретит Юлию. На вся-

кий случай. Чтоб душа была спокойна. Но Филипп и не сильно волновался, его интересовал лишь маршрут. Но ехали они видимой только одному Филе Агееву кавалькадой явно в сторону Кутузовского. Как выскочили с Нижней Масловки на Беговую, так и стало ясно, что пойдут они по третьему кольцу. Но впереди, уже под Кутузовским проспектом, довольно запутанный выезд к дому Юлии, и там придется включить максимум внимания, о чем может не знать сидящий на «хвосте». Значит, либо отстанет, либо начнет суетиться, и тогда сразу станет ясно, что он именно «хвост», и ничто иное. Примитивненькая, конечно, проверочка, но она нужна.

Случилось так, как он и предвидел. Видно, заранее не знал «хвост» адреса Юлии, иначе приготовился бы к поворотам, но он оказался тем не менее опытным водителем – или хорошо знал эти транспортные развязки – и вышел точно за «тойотой», не оставив между той и собой ни одной машины. Так грамотные преследователи не делают, легко засветиться. Но, может быть, тот именно этого и хотел? Напугать? Предупредить?..

Юлия выскочила неожиданно не в направлении своего дома, а вывернула на проспект и понеслась обратно к центру. Вот тебе и на! Такой логики Филипп не понял. Ведь если надо обратно, к центру, легче было это сделать, вернувшись мимо Белорусского вокзала. Странный путь!.. Но Филипп оказался не прав. Юлия вскоре свернула в переулок направо, из него вырулила в следующий, – Агеев прочитал на светящемся табло «Можайский», – и, проехав примерно до середины, резко остановилась. «Хвост», не ожидавший такого маневра, проскочил далеко вперед и стал искать пустое место среди других припаркованных к тротуару почти впритык друг к дружке машин. А вот и огни погасил, устроился, значит.

Теперь Филе стало окончательно ясно и то, что тот – «хвост», и другое: почему они здесь и для чего именно таким путем мчалась Юлия. Он ведь уже решил, что Наташа и живет в том районе, где ее подхватила Юлия, по той причине, что в костюме подружки как-то на работу ходить не совсем, мягко выражаясь, принято. Учитывая даже и несколько снисходительный взгляд Агеева на современную молодежную моду. Вероятно, где-нибудь тут, поблизости, школа, в которой учились девочки, выросшие в одном районе. И его догадка снова подтвердилась.

– Ну ладно, подруга, приехали... – сказала первую фразу за все время Юлия. Это ее слово: «подруга». – Давай переодевайся, постоим немного, а я покурю...

Хлопнула дверца, вышла голоногая, словно в одних трусиках, Наташа и пересела на заднее сиденье. Филипп сразу погасил огни, и в неярко освещенном переулке, да еще под сенью высоких деревьев, его машина не отличалась от других. Но, слушая разговор, Филе внимательно наблюдал за поведением «хвоста». Интересно, кого из двух девушек он «пас»?

– И что скажешь? – Это был более низкий голос Юлии. – Ты чего-то вообще сегодня молчишь?

Филе улыбнулся, вспомнив их птичий щебет в начале пути. Да, натуральные попугайчики!

– Да, понимаешь, противно, ты, конечно, права была. Поэтому все у нас и закончилось разговорами. Ну, покурили немножко. Он решил, что партия сыграна, ручонками потянулся. А я, естественно, только предупредила, что дальнейшее знакомство не исключено. Мол, неплохо бы еще разок-другой встретиться, сходить куда-нибудь, в клуб там какой-нибудь крутой... А он достал пачку – понимаешь? – вот такую пачку денег и стал по коленке своей стучать! Как собаку приманивать.

– И ты его послала, – с утверждением сказала Юлия.

– Ну... мягко, конечно.

– Ага, я – не такая, я – на рупь дороже! Это ты хочешь сказать? – Филе слышались издевательские интонации.

– А ты, кажется, переживаешь? – наивным голоском маленькой девочки спросила Наташа. – Уж не твоего ли я кавалера попыталась увести с пути истинного? – Снова возникла

пауза, потом шуршанье, визг молнии, и, наконец, та же Наташа произнесла: – Не пугайся и не сердись, отдаю обратно, раз он так тебе нужен. Но, на всякий случай, ложась к нему в кровать, вспоминай иногда о Роберте.

– Сучка ты все-таки, Натка! – воскликнула Юлия. – Да этот Гриша пообещал мне в прошлый раз, что даст денег на памятник. К тому, что мы уже собрали, будет прилично, Степа говорил, что тогда ему хватит.

– Слушай, ну что вы все как заговоренные?! Разве у Марика своей семьи не было? Его что, с помойки забрали? Или, может, он мало зарабатывал? Да там, у них, на десять памятников хватит! И вообще, это дело семейное. Нет, не понимаю я вас, фанатов... Больные, что ли? Так идите к нам, в стационар. На червонец в день, сразу мозги на место встанут. Не понимаю...

– Ты многого не понимаешь, – сухо ответила Юлия.

– Ну вот и договорились, – устало произнесла Наташа. – А еще я думаю вот что... Я, наверное, к этому, – Филя услышал резко брошенное, совсем уж неприличное в устах девушки бранное слово, – больше не пойду. Точка, подруга! – словно бы передразнила она Юлию.

– Как знаешь, – сухо ответила Юлия. – А он, между прочим, говорил о серьезных планах. Так что все же думай... Ну, все, поеду. Если надумаешь, звони. Привет папе-маме...

– И твоим – не хворать.

– Так, подготовиться! – вслух сказал Филя и, зажав себе рот ладонью, рассмеялся: он «вспомнил», что микрофон-то стоит у него, а не у них и это он слушает, а не девушки.

Наташа, увидел он, вышла из машины. На ней были уже не голубые, волнующие воображение шортики, а вполне приличная юбка до колен и кофточка, накинутая на плечи.

– Оп-а! – воскликнул Филя по поводу находчивости девушки. – Молодец, однако! Ну конечно, у нее ж сумка была. Так... и где же наш «хвост» родимый?

Юлия тронула машину, круто развернулась и поехала в обратную сторону. И тот, что был впереди, за ней не тронулся, значит, не она ему и нужна. А отсюда к дому, где живет Юлия, можно сказать, рукой подать. Александр Борисович, вероятно, уже на месте. Позвонить, разве что, на всякий случай...

А Наташа тем временем цокала каблучками, идя вдоль длинного дома. Народа здесь совсем не было, да и поздновато уже. А «хвост» продолжал стоять.

– Сан Борисыч, – тихо сказал в трубку Агеев, выходя из машины и «вякая» сигнализацией, так, на всякий случай, по привычке не оставляя соблазна для случайного любителя заглядывать внутрь салонов, – ваша протеже будет возле дома, скорее всего, через пять минут. Есть «хвост», но, похоже, не за ней. Я провожаю подругу.

Наташа дошла до угла дома и свернула налево. И вот теперь, заметил Филя, из машины выскочил тот мужичок и, подождав немного, неторопливо двинулся следом за девушкой.

– По-моему, наш клиент, – сказал себе Филипп и отправился догонять.

Двор, как и улица, был освещено плохо. Наташу видно не было, но зато слышался стук каблучков. Впереди, у ближнего, освещенного подъезда, мелькнул силуэт мужчины. Филипп прибавил шаг и усмехнулся своим мыслям. Он подумал вдруг, что в любых случаях, когда оказывался в ситуации, близкой к экстремальной, другими словами, когда чувствовал всеми мышцами, что предстоит, грубо говоря, подраться, тело его уже как бы заранее собирается в тугую комок, готовый к броску и опережающему удару, а движения подошв становятся почти неслышными. Все-таки великое дело – многолетняя практика...

Девушка шла наискосок, через внутренний двор по асфальтированной дорожке, отчего и каблучки ее звучали так громко. Преследователь двигался за ней, но под деревьями был виден только его темный силуэт – контражуром в свете от подъезда на противоположной стороне двора. «Вообще-то, – подумал Агеев, – очень удобное место для нападения, народу нет, двенадцатый час». И только подумал, как услышал впереди голос:

– Наташа, может быть, вы не будете так торопиться?

– Ой, кто это? – испуганно воскликнула девушка.

– Вы уже и по голосу не узнаете? – насмешливо спросил мужчина.

– Ох, Григорий Иванович! Это вы? Как вы меня напугали! А каким образом вы оказались тут и зачем? – уже не с испугом, но настороженно спросила девушка.

– Да вот, – мужчина коротко засмеялся, – вы так скоро убежали с этой вашей... с подругой, что я едва не упустил вас. Но догнал, как видите... Решил посмотреть, где вы обитаете. А что, не хотите пригласить к себе в гости, где мы могли бы продолжить наш разговор? Я ведь своего предложения вам не снимаю.

– Нет, нет, Григорий Иванович, – торопливо ответила Наташа, – уже поздно. И родители дома, вы что?

– Тогда ко мне? Машина рядом. А завтра с утра я мог бы вас сразу закинуть на работу, как? И почему вы по имени-отчеству, можно просто Гриша, мы ведь, кажется, договорились?

– Мне неудобно... Н-нет, спасибо...

– Да что ж вы все нет да нет? Ну давайте, вон, я вижу лавочку, да? Посидим немного, поговорим, еще ведь не поздно, правда? Тем более что вы уже обещали мне принять мое предложение и встретиться, вот и повод хороший – продолжить наше приятное знакомство.

– Нет, так я не обещала. Может, вы не поняли? Мы же говорили о каком-нибудь клубе...

– А что, можно и в клуб. Как раз самое время. Поедем? Только вы уж снимите эту тряпку-то, в шортиках с кружавчиками вы гораздо привлекательнее выглядите, – он мелко и с заметным сладострастием засмеялся. – Привлекательнее! И этот ваш животик, хе-хе!...

– Спасибо, – уже нетерпеливо заговорила девушка, – но действительно поздно, и родители волнуются, и завтра очень рано на работу...

– Ну, не хотите ехать, не надо, но все равно от пяти минут, что вы со мной побудете, ничего не случится, – решительно сказал он.

Уже приглядевшись во тьме, Филипп увидел, как мужчина, очевидно обещавший Юлии какие-то деньги на сооружение памятника выпавшему из окна певцу, настойчиво потянул девушку в сторону. Та не хотела, стала вырываться. Но Григорий Иванович был настойчив и, обхватив девушку и одновременно зажимая ей рот ладонью, потому что Филя слышал только ее сдавленные вскрики, потащил в сторону, где действительно светлела какая-то плоскость, похожая на лавочку. Девушка вскрикнула так, словно ее пронзила сильная боль, и почти одновременно у мужчины вырвалась фраза, полная ярости: «Тихо, с-сучка! Кусается она, бя!»

«То самое», – понял Филя и, почти неслышно метнувшись вперед, увидел, как мужичок, схватив девушку в охапку, заваливает ее на лавку. А она сдавленно мычит и, пытаясь отбиться, высоко скидывает обнаженные ноги.

– Эй, да чо ето тут у нас, а? – тонким голосом, но достаточно громко спросил Филя, оказавшись рядом. – И ето кто жа безобразит по ночам-то, а? – Филя грубо откашлялся и продолжил тем же неестественно тонким голосом: – Зойка, ты, что ль, опять, шалава? Да сколь же можно, тварь ты етакая!

Замерший было на миг мужик вдруг вскочил... Ага, и если б Филя грамотно не ушел от хорошего удара, не поднырнул, кулак врезался бы ему точно в челюсть. Но он уже давно научился, даже чисто интуитивно, по едва ощутимому движению воздуха, определять направление удара. И это умение не раз спасало его. В голове мелькнуло: а мужичок-то у нас не лох, но тем почетнее награда! И едва кулак просвистел мимо Филиного уха, профессиональный апперкот чуть-чуть подбросил агрессивного мужичка, а рубящий удар вдогонку по накачанной шее – это Агеев ребром ладони почувствовал – швырнул того на землю плашмя. Гриша рухнул ничком и всем телом сразу, даже без обычного в таких случаях прощального, но не смертельного, конечно, всхлипа.

Девушка все никак не могла ни подняться, ни понять, что произошло, – видно, ей немного досталось-таки от насильника. Филипп, поглядывая в ее сторону, чтоб не убежала, не закончив

еще с Гришей «душевного» разговора, залез к тому во внутренний карман пиджака. Нашупал бумажник, достал, сунул в свой карман, чтобы посмотреть позже. А хозяин его пролежит здесь еще как минимум с полчаса. А когда очнется, подумает, что столкнулся с электричкой. А ты не ходи ночью по путям... Ничего, успеем и с Наташей поговорить, и, если понадобится, все вернуть на свое место. Если ксива не представит делового интереса.

– Ну, долго еще будешь стонать, Наталья? – спросил Филипп. – И валяться хватит. Ничего с тобой не случилось, зато в другой раз будешь умнее. Садись, поговорить надо.

Девушка, еще всхлипывая, села, Филя спокойно подошел и опустился рядом.

– Так, Наташа, давай сразу договоримся: я тебя знаю, ты меня нет, и пока, слава богу, тебе это не нужно. Здесь я оказался не случайно. Всего я тебе рассказать, естественно, не могу, но кое-что знать надо. Ты меня в данный момент не интересуешь, вернее, только в той степени, в которой соприкасаешься с Хлебниковым и его посетителями мастерской. Давай в двух словах: что у вас там сегодня было? Это первое, а второе: почему, как ты считаешь, тебя преследовал этот Гриша? Ты что, кинула его? Развела на бабки, а сама слиняла? И давай побыстрей, уже поздно, а тебе рано на службу. Кстати, куда, если не секрет? Где твоя клиника? – Филя усмехнулся, чтобы сгладить у девушки впечатление от стрессовой ситуации.

– Я ничего не понимаю... – Она попыталась снова заскулить, но Филя положил ладонь на ее руку и, чуть сжав, сказал строго:

– Кончай сопли разводить, ничего же не случилось. Да я бы и не позволил.

– А... кто вы? И откуда?..

– Я же сказал, все потом. А Юля, наверное, уже дома. Погоди, я сейчас узнаю.

Агеев достал телефон, нажал вызов.

– Это я. У тебя там как?.. В порядке? Прекрасно. А у меня было нападение. Документы еще не смотрел. Да вон, лежит... Нет, что ты, обязательно очнется. Когда мы уйдем. Здесь Наташа... Сейчас посмотрим, секунду... – Филипп положил трубку на колени, дал Наташе зажигалку, сказал: – Зажги, – а сам раскрыл чужой бумажник, достал удостоверение. – Ну-ка посвети... Ага! Это мы изымаем. А это что? – Он достал запаянную в целлулоид карточку. – Тоже неплохо, служба безопасности... И это изымаем. Интересные документы. Ну а бумажник вернем на свое место. Он нам без надобности... Сейчас договорю вот с барышней и поеду... Ну, с подружкой твоей порядок, – сказал он Наташе, закончив разговор с Турецким. – Теперь о тебе. У вас там что было? Бордель, что ли, организовали? Быстрей, мне правда нужна!

Сбивчиво, путаясь и словно поскуливая, Наташа рассказала о том, что в мастерской известного художника Хлебникова организован вечерний клуб для посетителей сайта «Flirt & Love» в Интернете, который открыл Степан Яковлевич Хлебников. Ну, это как бы «домик», в котором собираются обитатели сайта знакомств, когда у них появляется потребность лично встретиться после неоднократных бесед в Интернете. И у Хлебникова ничего особенного не происходит, люди встречаются, разговаривают, выпивают понемногу, знакомятся ближе, договариваются о дальнейшем или расходятся. У каждого, наверное, по-своему.

– Притон, другими словами? Занимаются сексом... – подсказал Филя, глядя в близкое лицо девушки.

– Нет, что вы! – Она словно испугалась. – У нас только интернет-знакомства.

– Да-а? – удивился Филя. – А ну-ка, девушка, давай с этого места поподробней.

И Наташа, подбадриваемая наводящими вопросами странного ночного своего спасителя, стала рассказывать о своих с Юлией увлечениях. И притом, что она больше всего упирала в своем рассказе, будто сайты свиданий в Интернете – это пристани одиноких сердец – вот даже так! с пафосом! – у Фили не исчезало ощущение, что за всеми этими красивыми словами кроется определенный, причем довольно примитивный, обман. Как, собственно, в любой рекламе. Какова ее сверхзадача? Впендюрить в мозги клиента то, что необходимо вовсе не ему, а именно тебе. Вот и тут, в сфере интернетных знакомств, видимо, то же самое. Не исключено, что под

флагом добродетели, помощи одиноким людям, безуспешно ищущим свою вторую половинку, скрывается холодный и точный расчет создателя такого сайта: не только свести двух людей, но в немалой степени и взять под контроль их мысли и чувства, чтобы в любой момент использовать против них же. А это уже другая статья.

Но когда Филипп вторично высказал предположение, что за всеми этими «встречами» может скрываться обыкновенный разврат, девушка не испугалась, а, скорее, возмутилась.

– Да как вы можете думать такое?! – Но в голосе прозвучала неуверенность.

– А что, разве не так? – удивился Филя. – Наверняка с хорошим «посетителем», ну, клиентом вашего художника, можно и заработать неплохо. Деньги-то ведь нужны бывают, да? Не у ближайшей же подружки занимать, верно? Отдавать потом... А эти, – он кивнул в сторону лежащего Гриши, – готовы отстегнуть, но, правда, требуют немедленной оплаты, и исключительно натурой, так ведь?

Наташа вздрогнула, даже сделала попытку отодвинуться, хотя сидела почти на краю.

– Так, – пробормотала она.

– Ну вот, видишь? И не удивляйся моим словам, – успокоил ее Филя. – Это же тебе в новинку. Может быть. А я пожил, знаю, как и что делается. Объявляют там, к примеру, сбор пожертвований на памятник несчастному певцу, а на самом деле обслуживают богатеньких клиентов, так? Ладно, можешь не отвечать. А теперь слушай меня. Диктуй номера телефонов, по которым я могу найти тебя в любую минуту, домашний и рабочий адреса и меня не бойся, потому что лично мне от тебя ничего не надо. – Агеев все подробно записал в блокнот. – А теперь еще: о нашей встрече, о том, что здесь случилось, обо мне и о нашем разговоре забудь как можно крепче. И с Юлией говорить на эту тему даже не думай. Это все очень серьезно. А если хочешь знать, кто я, скажу. Есть такая служба, которая сильным негодьям не позволяет обижать слабых дурачков. Особенно таких вот, как ты, симпатичных и якобы доступных, ясно? Да, а если этот хрен найдет тебя и станет допытываться, что было, ответишь, что, когда началась драка, ты воспользовалась шумом и убежала. И ничего больше не знаешь. Но думаешь, что здесь было несколько человек, договорились?

– Договорились, – неуверенно ответила Наташа.

– Вот и славно. Беги домой... Нет, постой еще минутку. Последний вопрос: этот, что ли, пачкой денег тебя приманивал, да?

– Этот, – Наташа потупилась, – гад такой... за горло схватил, подонок... больно...

– Ну, тут ты сама виновата, Наташа. Я тебе как нормальный мужик скажу, у которого нет никаких комплексов, понимаешь? На тебе сегодня весь день была такая одежда, что даже человек с сильной волей, если он, понимаешь, не полный импотент, вполне мог отреагировать соответствующим образом, то есть адекватно. Ты провокаторша, это понимаешь? Сама мужиков провоцируешь хватать тебя за уши и тащить в кусты. – Филя засмеялся.

– Ничего я не провоцирую, все так сейчас ходят, – насупилась девушка.

– Ага, поэтому он вас и догонял аж от самой Масловки. На твои трусики с кружавчиками, наверное, посмотреть хотел еще разок, материалчик пощупать, как же, как же. Дуреха ты еще, прости, Господи, Наташка. Ладно, будем считать, что инцидент исчерпан и он сам виноват.

– А как мне вас звать?

– А никак, – ухмыльнулся он. – Случайно пролетающий мимо ангел-хранитель... Веришь в них?

Потом Агеев сделал то, чего, конечно, не должен был делать. Он снова, более тщательно обыскал по-прежнему недвижимого Гришу, прислушался: тот дышал. Наконец, в брючном заднем кармане обнаружил довольно приличную пачку, скорее всего, баксов, если определять на ощупь. А подсвечивать себе в этом нечистом деле Филя не хотел. Деньги он протянул Наташе и тихо, но жестко сказал:

– Значит, так. Это он оплачивает тебе физический и моральный ущерб, нанесенный им, понятно? Но ты с этими деньгами не светись и никому о них не говори, даже Юле. Спрячь и не транжирь. Будем считать, что его те лихие мужички ограбили. Все, беги, а к Хлебникову больше ни ногой, ты уже правильно для себя решила. И Юле – повторяю еще раз – ни слова! Даже ни намек, заруби это себе на носу, потому что иначе ты подвергнешь себя смертельной опасности. Это я тебе серьезно говорю, как профессионал. А сама считай, что на Робина Гуда нарвалась... Пока!

Зыкин застонал, будто приходя в себя. И Филя немедленно подтолкнул девушку, даже вдогонку легонько по попке шлепнул, и она, еще не пришедшая в себя, а также, вероятно, окончательно ошалевшая от «королевского» подарка, убежала не оглядываясь. А чего ей, кстати, было оглядываться-то? Да и знать, по идее, незачем, что странный дядька тщательно выпотрошил бумажник Григория Ивановича Зыкина, майора милиции из межрайонного отдела вневедомственной охраны и, ко всему прочему, еще и сотрудника службы безопасности акционерного коммерческого банка, а банковские карточки, не представлявшие для него интереса, поскольку ни в какие банкоматы с ними Филя ходить не собирался, – их он, стараясь не оставлять ни на чем отпечатков своих пальцев, рассыпал в кустах, куда отправил и пустой бумажник. И сделал это Филипп Кузьмич Агеев с одной лишь целью: чтобы девушке не пришлось в голову даже и попытаться самой забраться в карман неудачливого соискателя ее интимных ласк...

Зато в сумочке своей Наташа унесла ма-аленькую такую булавочку, назначение которой ей было знать не нужно, достаточно того, что об этом знал Филя.

Этот, что валялся головой в кустах, снова застонал, заскреб руками по земле. И Агеев решил, что на сегодня ему самому вполне достаточно приключений. И, чтобы привлечь хотя бы рассеянное еще внимание лежащего Зыкина, он произнес негромко что-то типа: «Эй, кончаем» – тонким голосом, а грубым и низким как бы ответил: «Ага, сваливаем!», – и ломанул сквозь кусты, словно табун коней.

Выйдя из двора, Филя не мог отказать себе в удовольствии взглянуть на машину Гриши. А что, вполне ничего! «Мерседес» не новенький, но вполне еще. Для сотрудника охраны – нехило... Только что ж он так элементарно прокололся, если хороший сотрудник? И потом, девушку – во дворе, прямо на лавке, фи! Нет, правильно его какие-то лихие мужички ограбили. В другой раз умнее будет.

– А номерочек машинки, – сказал себе Филя, – мы на всякий случай запишем, мало ли, вдруг случайно днем встретимся, так чтоб не гадать...

3

Меркулов заехал-таки в агентство в тот поминальный вечер поднять рюмочку в память Дениски, сказать сочувственные слова Турецкому. Ну, конечно, Александру они чрезвычайно были нужны именно в тот момент. Сил нет, как необходимы! Ирина, заметив, что муженек не прочь «сорваться с тормозов» – немножко и больше для виду, чтоб вернуть на место бывшее начальство, постаралась поскорее перевести застольный разговор на какую-то другую тему, лишь бы не дать из-за случайно брошенного слова вспыхнуть пожару. А о просьбе доктора Осипова как-то даже и вспоминать не стали. Ничего серьезного, если по правде. Не тема...

Об этом у нее с Шуриком в тот же вечер состоялся серьезный разговор. Ибо ей не понравилось легкомысленное, как показалось, отношение мужа к просьбе старого профессора. Ирина сама была родительницей и прекрасно понимала заботы и огорчения Осиповых. Даже несмотря на то, что Нинка ей самой подобных беспокойств пока – тьфу, тьфу, тьфу! – не доставляла. Хотя, как поётся в известной песне, «все еще впереди»...

Идея же окончательно оформилась после сообщения Агеева о свидании объекта с подружкой. В тот же вечер, встретив у дома Юлию и обсудив первые результаты с Филей, а затем и с супругой, Турецкий решил созвониться с Осиповым. Но сделал он это под вечер следующего дня. Хотел убедиться в том, что результаты встречи Фили с Гришей, сотрудником службы безопасности коммерческого банка, не имели каких-либо серьезных последствий для девушек.

Следующие дни наблюдений не принесли никаких известий. Филия созвонился с Наташей, напомнил ей о необходимости молчания. Узнал, когда она возвращается домой, и встречал ее, сидя в своей машине, но не показываясь, естественно, на глаза. О чем и поставил в известность Александра Борисовича, который был уже, естественно, в курсе робингудовской акции Фили и, в принципе, ничего не имел против – посмеялся, да и все. Главное, чтоб девица не прокололась. И забыл об этом инциденте.

Осипов звонку обрадовался. Неужели он подумал, что «великий сыщик» Турецкий уже справился с заданием? Вот что значит крупный теоретик! Да-а, его бы устами, как говорится, еще и мед пить...

– Нет, дело не сделано, – вмиг охладил собеседника Александр Борисович, – но кое-что мы уже имеем. Могу поделиться, но с одним непременным условием.

– Я слушаю, я готов... – заторопился тот.

– Значит, так, Семен Викторович, мы, естественно, еще проверим, но первоначальные впечатления говорят мне о том, что причиной ваших некоторых расхождений, скажем так, с внучкой является вполне свойственный ее возрасту, самый обыкновенный роман. Есть молодой человек, есть какое-то чувство к нему, насколько оно серьезное, это еще предстоит выяснить, если вы посчитаете нужным. Есть, наконец, подружка, которая может считаться в некотором роде наперсницей. И вот теперь, обладая такими, весьма общими сведениями, мы, вероятно, могли бы сделать следующие шаги. Но, повторяю, опять-таки только в том случае, если вы сочтете их необходимыми. Материя тут, как вы понимаете, тонкая. Любая мелкая оплошность может резко усугубить ваши отношения, а не исправить положение. Думаю, вам следовало бы посоветоваться с женой, чтобы решить, стоит ли предпринимать какие-либо дальнейшие действия. Может быть, вашей супруге следовало бы как-то самой намекнуть Юлии, например, о возможности возникновения у нее некоторых чувств к какому-нибудь молодому человеку. Ну, поговорить, как женщине опытной с женщиной, скажем так, начинающейся. Поверьте, не исключаю, что это – лучший вариант.

– Я должен посоветоваться, вы полагаете? – задал совершенно неумный вопрос профессор и доктор – в одном стакане, так сказать.

– Да... если я, с вашего разрешения, правильно донес до вас свою мысль.

Турецкий чуть не расхохотался: давненько ему не выпадала возможность изъясняться столь изысканно.

– Гм... хорошо. Тогда я...

– Ну, разумеется, разумеется, всегда к вашим услугам, Семен Викторович. Но хочу на всякий случай напомнить: если у девочки это чувство первое и серьезное, как все в их возрасте, – Турецкий нарочно преуменьшил возраст Юлии, – то необходимы максимальный такт и осторожность. Жена у меня, как вы знаете, психолог, зря говорить не будет. И уж если вы сами решитесь заняться этим вопросом, мы отходим в сторону. К нам потом, пожалуйста, не обращайтесь. Это наши твердые условия. Итак, посоветуйтесь и сообщите о вашем решении...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.